наедине
с
самим
собой

В. ЗАВ[illegible]ЛОВ

И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о наших современниках, людях необыкновенной судьбы, исполненных человеческого достоинства и силы. Подвиг Н. Островского помогает герою книги стать сильнее, быть активным членом социалистического общества, приносить пользу людям, жить всеми радостями бытия, радостью труда.

- И невозможное возможно
  - Представляю записки Валерия Завьялова
  -
  - Часть I
    - Глава 1
    - Глава 2
  - Часть II
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Часть III
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  -

И невозможное возможно

Представляю записки Валерия Завьялова

Повествование простых людей о событиях своей жизни с давних пор привлекало вдумчивого читателя безыскусностью рассказа, правдой виденного и пережитого. Одно требуется от таких записок: они не должны повторять то, что уже известно читателю. Их призвание — открыть новые грани жизни, новые ее стороны, новые черты характеров. Тогда, даже если авторы записок и не обладают мастерством писателя, произведения эти тем не менее всегда читаются с интересом, а порой и более того, пользуются успехом.

Вот почему, на мой взгляд, заслуживают внимания записки Валерия Завьялова «И невозможное возможно».

Слишком много пишется теперь воспоминаний, мало чем отличающихся друг от друга, повторяющих то, что уже известно широкому кругу читателей. Но записки Завьялова тем и примечательны, что открывают новую сторону жизни — тему людей, сраженных недугом в день их появления на свет.

Валерий Завьялов рассказывает о тех скромных, не бросающихся в глаза людях, которые творят добро в любом месте, в любой должности сверх того, что от них требуется по долгу службы.

И поступают они так не из жалости, не из тщеславия; дескать, вот я какой хороший, а потому, что уже очень много людей так воспитаны нашим общественным строем, что, сами того не замечая, являются новыми людьми.

Вместе с тем мы видим в этих записках не одного Валерия, рожденного с тяжелым физическим недугом, а целую галерею таких, как он, исполненных человеческого достоинства, доказывающих, что они могут жить всеми радостями человеческого бытия: радостью труда, любви, человеческого общения, духовного развития.

Это право на счастье, отнятое у них в момент появления на свет, возвращено им нашим образом жизни. И потому записки Завьялова, в которых ничего не выдумано, где сохранены все имена и фамилии, приобретают ту нравственную силу, которая всегда являлась важным признаком произведения, достойного печати.

Все, о чем рассказывает Валерий Завьялов, происходит в Подмосковье и Москве, но география записок шире. Это наша Советская Отчизна, где стали живой реальностью слова «И

невозможное возможно!».

Марк Колосов

Посвящаю
всем, кто принимал участие
в моей судьбе

Часть I
Через «не могу»

Глава 1

В январе 1942 года поездом Пермь — Москва мы возвращались из эвакуации домой. Нижние места достались нам с пятилетним братом. Одну верхнюю полку заняла мать, другую — красноармеец. Он ехал из госпиталя в свою часть.

На одной из станций началась проверка документов.

— Куда едете?— спросил начальник военного патруля.

— В Загорск,— ответила мать.

— Ваши документы недействительны.

— Но мне их в милиции выдали,— пояснила мать.

— В местной,— последовал ответ.— Москва на военном положении, и въезд туда запрещен.

— Я же до Загорска...

— От Загорска до Москвы рукой подать,— прервал ее проверяющий документы,— да и поезд в Загорске не остановится. Советую сойти в Ярославле или в Александрове.

— Что же мне теперь делать?— растерялась мать.

— Дяденька, не ссаживайте нас!— пришел я ей на помощь. Моя невнятная речь привлекла внимание начальника патруля.

— Сын-то давно болен?— спросил он.

— С рождения...

Еще раз внимательно посмотрев на меня, он что-то сказал сопровождающим его военным и вышел из купе. Те последовали за ним.

По рассказам матери, я заболел, еще не родившись. В шесть лет сделал свои первые шаги. Тогда же появились первые признаки более или менее внятной речи. К каким только врачам не обращались мои родители! Те только беспомощно разводили руками.

А я между тем рос, с каждым годом становился крепче, но следы тяжелой болезни — шаткая походка и дефект речи — сохранились и в тринадцать лет.

В школу меня не отдали, и первым моим учителем был отец. До сих пор помню тот счастливый день, когда он показал мне первые буквы.

Потом со мной стала заниматься наша соседка по квартире, Евгения Павловна Киселева, в прошлом учительница. Она-то и научила меня читать и считать. Но все ее попытки заставить мои непослушные пальцы держать ручку с пером и писать чернилами окончились неудачей. Пришлось пользоваться только карандашом.

Теперь в этом вагоне, после того как военный патруль ушел, я

сидел и думал, чем бы помочь матери. Поезд, замедлив ход, поравнялся с небольшой станцией, и я увидел мальчишку, шагавшего по перрону с чемоданом в руке. «А я не могу нести такой чемодан!» — позавидовал я моему счастливому сверстнику.

— Что же теперь с нами будет?— снова послышался тяжелый вздох матери.

— Главное, не робеть!— подал голос с верхней полки наш попутчик.— Езжайте до Александрова. Там у меня родня. Дом большой. Места хватит! Я записку напишу. Привет от меня передадите. Ну а оттуда вызовете телеграммой своих и доберетесь домой. Дом-то ваш где?

— В Звенигороде. А едем в Загорский район. В село Константинове. К бабушке. Отец наш на фронте...— объяснила мать.

— Ясно!— сказал красноармеец, слезая с полки.— Все будет хорошо!— решительно проговорил он и, вынув из кармана блокнот, начал писать записку.

Прошло несколько месяцев, как мы приехали в Константиново. Промелькнуло лето, наступила осень. Ранним сентябрьским утром к школе потянулась приодетая детвора с большими букетами разноцветных георгинов.

Я сидел на завалинке и провожал ребят глазами: «А что, если пойти и мне?! Ведь не выгонят же!..»

Вот и школа. В длинном коридоре остановился и растерянно огляделся. Куда идти? Направо? А может, налево? Прошелся в один конец коридора, в другой и очутился перед приоткрытой дверью второго класса. Там шел урок. Постояв, еще раз огляделся и прильнул к щели: у окна стояла учительница и что-то рассказывала детям. Мне показалось, что она увидела меня. От испуга я даже отпрянул.

Прозвенел звонок, и мне пришлось спрятаться за угол. Минуты через три дверь отворилась. Из класса вышла учительница, окруженная второклассниками. Я двинулся ей навстречу. Она остановилась и спросила;

— Ты что, мальчик? Ждешь кого-нибудь?

— Примите меня в школу!— вместо ответа невнятно произнес я.

Учительница, не разобрав мою речь, внимательно посмотрела на меня.

«Не понимает. Как же ей объяснить?»

— Александра Ивановна! А что он так говорит?.. Почему так чудно ходит?..— посыпались вопросы.

— Идите, ребята, играйте,— спровадила их Александра

Ивановна и спросила меня: — Как тебя звать?

— Валерий Завьялов... Все меня сперва не понимают, а потом привыкают... Возьмите меня в школу!..

— В школу, Валерий, принимает директор!— помолчав, ответила учительница.— Сейчас его нет. Пусть вечером мама зайдет к нему.

— А если он н-не при-имет?— с трудом проговорил я.

— Тогда приходи ко мне,— после некоторого колебания решительно сказала она.

Директор школы, темноволосый плечистый мужчина, оглядев меня с ног до головы, перевел взгляд на мать и приглашающим жестом указал ей на стул.

— Слушаю вас!

— Пришла о нем вот поговорить,— кивнула мать на меня,— в школу просится.— И рассказала мою историю.

Директор долго молчал.

— Тяжелый случай,— наконец отозвался он.— А муж на фронте?

— С первых дней добровольцем ушел.

— Трудно вам с больным ребенком!— посочувствовал директор, искоса поглядывая на меня.— Скажу сразу: заниматься в общей школе он не сможет... Да и, откровенно говоря, ни один учитель не согласится учить его... Представьте себе, вызовут его отвечать, дети начнут смеяться. Что получится в классе?..— Директор встал, давая понять, что разговор окончен.

— А Александра Ивановна ведь обещала,— тянул я, но ответа директора не услышал: мать вывела меня из кабинета.

На другой день, никому не сказав, я снова пришел в школу.

Пробравшись на цыпочках в пустой класс, сел за парту. Больше всего мне понравилась блестящая черная доска. Я подошел к ней и начал старательно выводить мелом буквы, да так увлекся, что не заметил, как в класс вошел мальчишка.

— Зачем доску пачкаешь?— набросился он на меня,— Что тебе тут надо?

— Я учиться пришел,— прошептал я.

— Чего-чего?

— Учиться пришел.

— А что ты так непонятно говоришь?

— Болен я.

В класс между тем входили другие ребята. Они с любопытством смотрели на меня.

— Да это же Валерка Завьялов, двоюродный брат Верки Шепановой. Он вчера к Александре Ивановне приходил,—

затараторила девчонка с голубым бантом в косе.

Прозвенел звонок, и все заняли свои места. А я стоял посреди класса и не знал, что делать.

Вошла учительница.

— Александра Ивановна, директор не принял,— произнес я, с трудом сдерживая слезы.

Учительница помедлила с ответом, а потом, оглядев класс, сказала:

— Сядь к Сазонову Вите,— указала она парту, где сидел тот самый мальчишка, который первым вошел в класс. Я направился к нему.

— А что это он так чудно ходит?— хихикнул кто-то. Послышался шумок,

— Климкин, встань! Ты что, никогда больных не видел?

Климкин встал, засопел и опустил голову.

— Садись. И чтобы это было в последний раз!..

Дома после ужина мать принялась за шитье, я за уроки, а бабушка занялась домашними делами. Уже смеркалось, когда к нам постучались.

— Здравствуйте, я Максимова, учительница вашего сына.

— Александра Ивановна! Проходите, пожалуйста!— засуетилась мать.— Я сама собиралась к вам зайти, да вот поздно с работы прихожу: фронтовой заказ выполняем!

— Какое имеет значение, кто к кому пришел? Вот мы и познакомились!— ласково ответила учительница.

Они прошли в соседнюю комнату. Дверь была полуприоткрыта, и я услышал рассказ учительницы о том, как я просился в школу.

— Мне так его жалко стало...

Потом голоса стали тише.

— Разве от судьбы уйдешь?— с горечью произнесла мать.

— Уйдем!— уверенно ответила учительница.

— Уж и не знаю, как вас благодарить...— начала было мать, но Александра Ивановна прервала ее:

— Ну зачем вы об этом? Учиться он хочет, а это главное.

— Желания-то у него хоть отбавляй,— вздохнула мать.— Да вот руки и речь...

— Речь и руки нам, правда, мешают,— согласилась учительница,— но попробуем. А где Валерий-то?

— Я здесь, Александра Ивановна!— отозвался я, входя к взрослым.

— Ну-ка покажи свои руки! Видите, как они нас не слушаются,— говорила она, ощупывая их.— Но мы их заставим.

Не может быть, чтобы мы с ними не справились… В Загорск съездим на консультацию... К невропатологу... Сегодня пятница... Вот в следующую пятницу после уроков и поедем!..

В Загорской больнице минут сорок ждали приема. И вот нас пригласили в кабинет врача.

Александра Ивановна присела на предложенный ей стул и протянула доктору выписку из истории болезни.

— Что беспокоит сына?— спросил тот, прочитав выписку.

— Это мой ученик,— пояснила Александра Ивановна.— Невнятная речь и скованность движения рук мешают мальчику учиться. Чем можно помочь?

— Думаю, прежде всего лечебная физкультура,— отвечал врач,— неплохо бы, конечно, заняться с логопедом. Но в селе такого специалиста не найти.

— Попробую сама.

Врач с уважением посмотрел на учительницу. Затем, помедлив, достал из шкафа и протянул Александре Ивановне книгу.

— Возьмите. Это пособие для логопедов.

На следующий день после уроков Александра Ивановна велела мне задержаться.

— Будем исправлять речь,— сказала она, когда в классе мы остались одни.— Прежде всего, какие буквы ты не выговариваешь?

— С, Р, Л.

— С Л, пожалуй, и начнем. Первые упражнения такие...

И началась тренировка. От напряжения болели челюсти и язык. Но я не жаловался. Мне очень хотелось, чтобы люди понимали меня.

— Валера, ты не устал?— спрашивала учительница.

— Нет, что вы, Александра Ивановна!

Занятия продолжались. И так ежедневно. А месяца через четыре я читал вслух стихотворение Пушкина «У лукоморья» и вдруг почувствовал, что выговариваю букву Л, которую раньше не мог произнести.

— Александра Ивановна, буква Л получилась!

— Получилась, Валерий!

Глаза ее сияли.

— Давай закрепим. Повторяй: лампа, лапа, ложка...

Я несколько раз произнес эти слова, и опять буква Л получилась.

— Ну, Валерий, с первой победой тебя! Теперь начнем

работать над другими буквами.

Среди ночи меня разбудило радио. Послышались позывные Москвы и торжественный голос Левитана:

— Внимание! Говорит Москва! Через несколько минут будет передано важное сообщение!..

Левитан сообщил долгожданную весть. Война окончилась.

— Мама! Баба Нюра! Война кончилась! Мы победили!— Я поднял весь дом на ноги.

Все собрались у репродуктора. Некоторое время сидели неподвижно. По лицу матери текли слезы.

— Дождались!— облегченно вздохнула бабушка,

— Ура! Война кончилась! Скоро папа приедет!— закричал мой младший брат Володька и побежал на улицу.

— Володя, оденься!— крикнула ему вдогонку мать, но его и след простыл. Я тоже, конечно, вышел на„улицу.

Несмотря на ранний час, село проснулось. Люди выходили из домов, шли к центру. Стихийно возник митинг. Потом появилась гармошка, кто-то затянул песню. Ее подхватили, и она поплыла по селу.

А спустя несколько месяцев начали возвращаться домой фронтовики. От отца пришла телеграмма: «Выехал, встречайте». Наконец настал этот долгожданный день, и я увидел отца.

Поставив на землю чемодан и картонную коробку, он обнял мать, а потом нас с братом, и мы пошли к дому. Односельчане приветствовали отца.

В селе его хорошо знали. Здесь он родился и вырос. Двенадцати лет пошел в люди. Октябрь встретил в Москве. Затем приехал в свой Загорский уезд на комсомольскую работу. Люди старшего поколения, листая подшивки местной газеты «Плуг и молот», встречали очерки, рассказы и фельетоны за подписью «Иван Угрюмый». Это был псевдоним отца. Он стоял с повлажневшими глазами, глядя на сельскую улицу, где прошли его детство и юность.

Когда мы пришли домой, отец усадил меня рядом с собой и спросил:

— Ну, сынок, давай подведем итоги нашего соревнования. Я обещал вернуться домой с победой. Свое обещание выполнил. А что ты обещал в письмах?

— Хорошо учиться,— ответил я,— свои обязательства я тоже выполнил.— И показал свой табель с отметками.

— Молодец,— похвалил он и, подмигнув, сказал: — А я тебе что-то привез.— Он распаковал картонную коробку и достал из

нее новенькую гармошку.

— Это... Это мне?1

— Тебе!

— Но у меня же руки больные. Как я сумею играть?

— Вот и будешь разрабатывать пальцы.

На другой день отец собирался зайти в школу — познакомиться с моей первой учительницей. Когда я вернулся с занятий, его еще не было дома. Пришел он поздно. Нас с братом отправили спать. Брат уснул сразу. А я сквозь дремоту услышал из-за тонкой перегородки голос матери:

— Вань, ты в школе-то был?

Я насторожился.

— Был, но с Александрой Ивановной повидаться не удалось.

— Что так?

— Уехала к своим избирателям.

— Да, ее в райсовет не зря выбрали, ее у нас любят, со всякой заботой и радостью — всегда к ней.

— Вот и директор тоже очень хорошо о ней отзывается. Оказывается, она еще в двадцать пятом году была делегатом Первого всесоюзного съезда учителей. У них вся семья такая. Муж — секретарь райкома. Жаль расставаться с ней. Работу мне в Звенигороде предлагают. А вот как Валерка там учиться будет? Здесь-то его уже знают, и Александра Ивановна...

— Да, ей мы многим обязаны. Не всякий учитель добровольно такого ребенка в свой класс возьмет. Только ведь и в других школах свои «Александры Ивановны» есть. Конечно, трудно придется ему сначала, а потом привыкнет, он у нас молодец, парень старательный.

Глава 2

Лето мы провели в Константинове, а в августе переехали в Звенигород.

Со страхом ждал я нового учебного года. Ведь мне предстояло начать его в новой школе. Как отнесутся ко мне ребята? Будут ли новые учителя так же внимательны, как в Константиновской школе? С таким чувством шел я первого сентября в школу.

Вот и красное каменное здание, Незнакомые лица. Все друг с другом здороваются, рассказывают, как провели лето. Только я одиноко стою в стороне. Мое внимание привлек мужчина в выгоревшей солдатской гимнастерке, подпоясанной тонким ремешком. Он стоял на пригорке, поглаживая острую бородку клинышком, и кого-то искал глазами. Увидев меня, спросил:

— Новенький? Из какой школы?

— Из Константиновской,— ответил я.— А вы учитель?

— Я классный руководитель 6-го класса «Б». Зовут Владимир Сергеевич, фамилия — Морошкин!

— Меня направили в ваш класс.

— Очень хорошо,— ответил Морошкин и, подмигнув, добавил полушутя-полусерьезно: — Только я строгий! Тебя как звать?

— Завьялов Валерий!

Он записал в тетрадь. Потом снова поискал кого-то глазами, наконец, видимо, нашел и подозвал к себе стройного паренька в синей футболке.

— Макаров, собери ребят!

Через несколько минут 6-й «Б» окружил своего классного руководителя.

— А что-то я не вижу Агафонова. Где он?— спросил Морошкин.

— Я здесь,— отозвался один из ребят.

— Все в сборе... Начнем... Прошу записать временное расписание на завтра. История, математика, физика, литература, немецкий, ботаника.

— Шесть уроков!— зашумели шестиклассники.

— Ничего, ничего, мы уже с вами не маленькие,— утихомирил Морошкин недовольных.— И не стыдно вам? А сейчас организованно отправляемся в класс.

Первая неделя в новой школе прошла без происшествий. В субботу у нас по расписанию четвертый урок — физкультура. На перемене ребята переоделись, направились в спортзал. А я стал

готовиться к очередному уроку.

В класс заглянул преподаватель физкультуры Михаил Савватьевич Нестеренко.

— Почему не в спортзале?— спросил он, окинув меня внимательным взглядом.

Я стоял и молчал.

— О тебе я все знаю,— пришел на помощь Нестеренко.— Зря стараешься освободиться от физкультуры. Это, пожалуй, одно из средств, с помощью которого ты сможешь найти свое место в жизни. Пошли в зал!

Дав задание учащимся, он сел рядом со мной.

— Нужно научиться расслаблять мышцы,— вслух размышлял учитель.— Они у тебя напряжены. Будешь ощущать боль. Но другого выхода нет. Лечебная физкультура возвратила многих тяжелораненых в строй. Слышал ты о книге Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке»? Если не читал, прочти!

«Повесть о настоящем человеке» я прочитал быстро. Летчик без ног полетел на самолете. Я поверил в чудотворную силу физкультуры. Приходил в школу задолго до уроков и проделывал все упражнения, рекомендованные Михаилом Савватьевичем. Труднее всего было, не сгибая ног, достать пол руками. Одна попытка, вторая, третья... И никаких результатов. Обливаясь потом, я садился на скамейку и, отдохнув, снова начинал упражнение.

Однажды в зал заглянул Нестеренко, Он некоторое время наблюдал за мной, задумался, а затем решительно сказал:

— Хватит на сегодня. Перегрузки могут принести вред, Вера Яковлевне Пороховой тебя бы показать! Это крупный специалист по лечебной физкультуре!

— И я буду здоровым?

— Совсем, конечно, не вылечишься, но с помощью тренировок многого можно добиться.

— Мне бы только руки чуть подправить, чтобы писать.

— Зря сетуешь на свои руки,— проговорил он.— У Веры Яковлевны в клинике я видел девушку. У нее руки совсем не работали. А она заочно где-то училась.

— Как же она писала?— удивился я.

— Зубами.

— Зубами?!.

— Да, зубами. Вот видишь, дела-то твои не так плохи, как тебе кажется.

Через несколько дней учитель отправился со мной в клинику

нервных болезней 1-го Московского медицинского института имени И. М. Сеченова. Она помещалась в двухэтажном здании. Мы поднялись на второй этаж.

Вера Яковлевна была на лекции, и нам пришлось немного подождать. Но вот прозвучал звонок, и в коридоре стало светло от белоснежных халатов.

Окруженная студентами, из аудитории вышла невысокая, с энергичным лицом женщина. Она сразу узнала Михаила Савватьевича.

— Помню, помню,— говорила она, пожимая его руку, и пригласила нас в свой кабинет.— Кажется, вам я советовала специализироваться по лечебной физкультуре?

— Мне,— подтвердил Михаил Савватьевич и, улыбаясь, добавил: — Только я оказался непослушным студентом: пошел в школу преподавателем.

— И здесь, по-видимому, нашли себя?

— Думаю, что физическое воспитание в школе весьма необходимо. От войны нам достались дети со слабым здоровьем. Кому, как не нам, закалять их?

— Пожалуй, вы правы,— согласилась Вера Яковлевна.— Что вас ко мне привело?

— Вот мой ученик Валерий Завьялов,— представил Михаил Савватьевич и рассказал обо мне.

Вера Яковлевна попросила раздеться, осмотрела меня и покачала головой.

— Нельзя давать силовые упражнения. Они увеличивают спастику. Занятия лучше перенести в лес- На холмистую местность. Это будет развивать координацию движений.

Вера Яковлевна дала еще несколько советов. С тем мы и уехали. А на другой день я начал упорно заниматься лечебной физкультурой.

Не оставляю ее до сих пор, убедившись за долгие годы, что именно она поставила меня на ноги.

В восьмом классе я увлекся краеведением, записался в кружок, которым руководил Владимир Сергеевич Морошкин. Учитель поддержал мое увлечение и поручил собрать материал для краеведческого музея по истории чулочной фабрики «Красный маяк». Я договорился встретиться с Николаем Константиновичем Белоусовым, главным бухгалтером фабрики, у него дома. Давая задания, Владимир Сергеевич мне рассказал, что Белоусов работает на фабрике со дня основания и за все эти годы накопил интересный материал по истории предприятия.

Дверь открыла девушка с двумя толстыми косами.

— Могу ли я видеть Николая Константиновича?— с усилием произнес я, разглядывая девушку, которую часто встречал в школьном коридоре и на вечерах. Я стоял на пороге, смотрел на нее и не мог двинуться с места.

— Ну проходи же,— пригласила девушка, немного смутившись.

Я несмело пошел за ней.

— Сюда,— она открыла дверь небольшой комнаты.— Папа, к тебе пришли.

— Иду!— отозвался он.— Наташа, займи гостя. Я сейчас...

Наташа вернулась в комнату и села напротив. С минуту мы молчали, разглядывая друг друга.

— Я слышала, у тебя есть книга «Повесть о настоящем человеке»,— нарушила молчание Наташа,— Дашь почитать?

— Конечно... Завтра принесу… Можно мне иногда заходить?

— Буду всегда рада тебя видеть.

«А зачем мне сюда ходить?— мысленно спросил я себя.— Все равно она дружить со мной не станет».

Сколько раз я хотел подружиться с девушкой — и не получалось. Теперь мне встретилась Наташа. Не знаю, что меня привлекло в ней: чудные косы, а может, добрая улыбка. Сердце тянулось к девушке, а мысль останавливала: «Я же инвалид, Но может быть, это моя Тая, подобная подруге Павки Корчагина?» Я представил Наташу, стройную, красивую, и себя, идущего шатающейся походкой. «Нет, нет!» Стараясь не глядеть на Наташу, стал ждать ее отца. В комнату вошел жизнерадостный пожилой человек, и трудно было поверить, что он проработал на фабрике около тридцати лет.

— Ну-с, юноша, чем могу служить?

— Я собираю материал о вашей фабрике, Николай Константинович.

— Кое-что дам,— сказал он.

Через несколько минут передо мной лежали документы, рассказывающие об истории фабрики: вырезки из старых газет, снимки и т. д. Материал, конечно, богатый. Но попробуй сделай из него выписки больными руками. К тому же не хотелось показывать Наташе свою беспомощность. Она, поняв мое состояние, сама предложила свою помощь.

Сколько раз я давал себе слово не ходить больше к Наташе! «В последний раз,— говорил себе,— должен же я ей книгу отнести», Так я оправдывал очередной визит.

Дверь открыла Наташа. По ее глазам я понял, что пришел некстати.

— Наташа, я книгу принес.

— Спасибо... Проходи,— пригласила девушка.

Мне бы сразу уйти, а я послушно поплелся за ней в знакомую комнату, где на диване сидел Алешка, студент филологического факультета МГУ.

В школе поговаривали об их дружбе, но я никогда вместе их не видел и потому разговорам не верил, скорее не хотел верить. «Соперничество-то мне не под силу»,— с горечью подумал я.

— Валера, ты посиди минутку... Пока Алеша мне теорему объяснит,— засуетилась Наташа.— Посмотри свежий «Огонек», Алеша купил...

«Алеша, Алеша»,— больно отозвалось в сердце. А тот между тем терпеливо объяснял Наташе теорему.

— Поняла?— спрашивал он.

— Кажется,— отвечала Наташа, пряча свой взгляд.

«Третий лишний»,— я встал и решил уйти.

— Куда же ты? Посиди, мы сейчас закончим и будем музыку слушать.

— Нет, надо идти!— решительно сказал я, простился и вышел.

Долго в тот день бродил по улицам, пока не оказался около дома Морошкина.

— Валерий! Легок на помине. Я твою работу о «Красном маяке» прочитал. Недурно! Совсем недурно! У тебя что-нибудь случилось?— заметив мою растерянность, спросил он.

— Да нет... Вроде ничего...

— А по-честному?

— Влюбился!..— неожиданно признался я.

— Задача!— Морошкин по привычке потянулся к бородке и зажал ее в кулак.— И что же?..

— Разве можно полюбить инвалида?.

— А почему же нет? Да вот пример. Перебегая железнодорожный путь, парень попал под поезд и потерял обе ноги. Так вот девушка, с которой он дружил, стала его женой. Только думаю, Валерий, ты просто увлекся, а настоящую любовь ты еще встретишь.

— Но, Владимир Сергеевич, Наташа — самая лучшая в мире.

— Так уж и лучшая?— усмехнулся Морошкин.

— Самая лучшая...

— А вдруг она любит другого?

— Может быть.

— А ты объяснись.

— Объясняться? Зачем?

— Легче будет. И не переживай. Поверь мне, обязательно

встретишь ту, которая будет самой лучшей.

На новогодний бал я решил не ходить. С увлечением читал «Три мушкетера». Настойчивый стук в дверь прервал мое чтение. «За мной»,— догадался я, открывая дверь, и не ошибся: неразлучные друзья Костя Макаров и Вася Агафонов в белых сорочках и галстуках предстали предо мной. Не скрывая восхищения и зависти, я осматривал своих друзей. «Сегодня они с девчатами будут танцевать. Счастливцы!» — подумал я.

— Хандрим?— спросил Вася Агафонов.

— Да нет, что ты!— пробормотал я.

— А почему на вечер не идешь?

— Плохо себя чувствую...

— Все ясно. Тоска напала,— уточнил Костя Макаров.— Одевайся.

Тон его не допускал возражений.

— Да нет, ребята. Я...

Но все мои возражения были напрасны... Когда мы вошли в зал, бал был в полном разгаре. Играла музыка. Вокруг елки танцевали пары, а среди танцующих сновали семиклассники, выполнявшие роль «аккуратных почтальонов». Я поискал глазами Наташу, она танцевала с Алешкой. Была она в бледно-розовом платье. «Красивая!— восхищался я Наташей.— Какой у нее номер? 25». Я вынул свое послание. Хотел отдать пробегавшему «почтальону», но помедлил. «Зачем? Разве не все ясно без слов?» Порвал письмо и бросил в корзину. «Все!.. Забыть! Через полгода она кончит школу. Уедет в институт. И будет легче... А будет ли?..»

Наконец наступил и мой выпускной вечер.

Взволнованные лица ребят и девушек. Все рассаживаются. Мы впереди, за нами родители и гости, В президиуме наши учителя. Я смотрю на них благодарными глазами. Началось вручение аттестатов зрелости.

— Завьялову Валерию Ивановичу!— звучит голос директора

До стола президиума ковровая дорога. Сколько трудов стоило получить право идти по ней! Будто на экране возникает лицо первой моей учительницы Александры Ивановны. Сто с лишним километров разделяет село Константиново и Звенигород, но все равно кажется, что и она сегодня здесь, в президиуме.

Мне вручают аттестат зрелости.

— Дорогие… Спасибо вам…— голос обрывается, и я с трудом сдерживаю нахлынувшее волнение.— Спасибо… Вы много сил и времени тратили на меня. Я не знаю, сумею ли оправдать ваши

надежды… — Я не в силах сдержать слезы.

— Мужественный человек, и вдруг слезы,— укоризненно говорит Морошкин.— Мы верим, ты преодолеешь все трудности и неудачи по-корчагински. Даешь слово?

— Даю,— тихо говорю я и под аплодисменты моих друзей иду на свое место.

Часть II
Вступаю в жизнь

Глава 1

Поезд приближался к платформе Левобережная. Я стоял в тамбуре и глядел на зеленую стену леса, бегущего мимо.

Сойдя с платформы, по асфальтированной дорожке направился к институту. Чемодан был тяжелый, и мне часто приходилось останавливаться. Мимо быстрыми шагами шли юноши и девушки тоже с чемоданами. «Наверное, как и я, поступающие».

— Дай чемодан поднесу,— послышался сзади меня голос.

Обернувшись, увидел смуглого невысокого парня.

— Спасибо, спасибо, я сам... На какой факультет поступаешь? — спросил я.

— На библиотечный... А ты?

— Тоже.

— Тебе что? Ты здоровый. А меня, наверно, не примут...

— Трусость отошли домой заказной бандеролью. Кстати, почта находится за углом!— усмехнувшись, сказал парень и подхватил мой чемодан.— Тебя как звать?

— Валерий Завьялов.

— А меня Михаил Синельников.

Только что закончилась консультация по литературе. Зал шумит. Гадают, какие темы предложат на экзамене.

— Гоголь будет обязательно!

— Нет, Гоголь был в прошлом году. Будет Салтыков-Щедрин.

А я думаю о своих нерешенных проблемах. К вступительным экзаменам готовился все лето. Со мной занимался Петр Васильевич Нечаев, один из старейших преподавателей Звенигорода. Пожалуй, нет такого человека в нашем городе, который бы не знал этого неутомимого труженика. Он помогал молодым учителям, работникам редакции районной газеты, всем, кто любит русский язык и литературу. Даже в выходной день в доме Нечаевых всегда был народ. Петр Васильевич вел занятия в маленькой комнате, заставленной книжными стеллажами. Когда ему предлагали деньги, для него это было оскорблением.

— У нас, в Звенигороде, издавна поставлено так!— отвечал он.— Антон Павлович Чехов оказывал больным помощь без всякого гонорара...

Работая инспектором в роно, он часто приходил в нашу школу, выступал с лекциями перед старшеклассниками. На одной лекции я с ним и познакомился.

Невысокий сутулый старичок в толстовке, наглухо

застегнутой на все пуговицы, увлеченно рассказывал о гражданской лирике Пушкина, цитируя наизусть строки гениального поэта.

И теперь, сидя в аудитории, я старался вспомнить советы Петра Васильевича, которые он давал накануне отъезда в институт. И еще одно меня тревожило: как буду писать сочинение. Уложусь ли в отведенное время и, самое главное, поймет ли мой почерк экзаменатор?

— Ну, ты как, Валерий, готов к бою?— услышал я голос Михаила.

— Не совсем.

— А что такое?

— Я же пишу карандашом.

— Ну и что же?

— Как что? Экзаменатор не будет проверять мою работу.

— Положеньице!— нахмурился Михаил.— Слушай-ка, а ты говорил с председателем приемной комиссии?

— Да что ты?— испуганно воскликнул я.— Мне же сразу вернут документы!

— А если возвратят непроверенное сочинение?— возразил Михаил.— Надо идти! Конкурс конкурсом, но должна же быть еще и человечность.

Он взял меня за руку, и мы вышли из аудитории. Председатель комиссии Вера Илларионовна выслушала нас.

— Пером вы писать не можете? А в школе как писали?

— Карандашом,— ответил я.

— А шариковую ручку достать не удалось?

— Нет.

— Попробуйте моей,— предложила она и пододвинула лист бумаги. Я написал несколько слов.

— Видите, получается лучше. Значит, вам надо писать именно такой ручкой.

Наступил день устного экзамена по литературе... Набравшись храбрости, я вошел в аудиторию. Экзаменатор, полный мужчина с пышными усами пшеничного цвета, спросил мою фамилию и, найдя ее в списках экзаменующихся, удивленно посмотрел на меня.

— Странно, почему я вам за сочинение оценку не поставил.

«Ну вот и случилось то, чего я больше всего боялся... Что же теперь?..»

Голос экзаменатора прервал мои размышления.

— Все ясно... Просто я не разобрал некоторые слова. Это что написано?

— И...

— Правильно, а это?

— Ц…

— Значит, в сочинении вами допущена одна орфографическая ошибка и две синтаксических. По содержанию замечаний нет. Ставлю вам четыре. Ну а теперь побеседуем. Какой у вас номер билета?

— Двадцатый...

— Прошу...

— Образ Павла Корчагина...

Вступительные экзамены остались позади. Итог? Две пятерки и две четверки. Всего 18 баллов. Сегодня узнаю, принят ли. Пробрался к спискам и... не нашел своей фамилии. Что теперь делать? Направился в приемную комиссию.

— Вера Илларионовна, я не прошел по конкурсу?

— К сожалению... Проходной балл у нас 19...

— Но для меня это катастрофа.

— Зачем вы так? Разве только одному вам не повезло?— стала успокаивать меня Вера Илларионовна.— Я ничем не могу вам помочь. Сходите к директору. Может быть, он сделает вам исключение...

— Ох, это мне «в порядке исключения»!— вздохнув, проговорил я и к директору не пошел.

Вернувшись из института, я несколько дней не находил себе места. Зашел к Морошкину, но его не было дома. В приколотой к двери записке значилось, что он на неделю отлучился из города.

«Кому же рассказать о своей беде?— вздохнул я.— Пойду-ка в школу, кого-нибудь да застану».

Вспомнились школьные дни. Однажды на уроке литературы Анна Кузьминична Денисова подошла к доске и написала тему классного сочинения: «Кем я хочу быть».

«Кем я хочу быть?» — попробуй ответь на этот вопрос! Я оглядываю класс. Все сосредоточенно работают. А я вспоминаю скошенное поле, где мои сверстники собирают колосья, а я отстал от них. «Такого пустяка не смог сделать... О какой же профессии может идти речь...» — так я и написал тогда в своем сочинении.

А на другой день встретил Морошкина. Он шел рядом с незнакомым мне молодым мужчиной.

— Почему так плохо написал сочинение?— строго спросил меня учитель, останавливаясь. Его спутник тоже остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Я написал правду... Какая профессия мне по силам?

— Библиотечная!— уверенно ответил Владимир Сергеевич,

словно ждал этого вопроса и, не дав мне опомниться, продолжал: — Представь себе, Валерий! В твоем распоряжении тысячи книг, и ты делишься этим богатством с другими. Люди будут обращаться к тебе за советом. Большое счастье, когда ты нужен людям.

— Но у меня же невнятная речь!— воскликнул я с отчаяньем.

— Библиотечная работа — это не только выдача книг,— вмешался в разговор спутник Морошкина, поправляя жесткие, непослушные волосы.

— Видите, Рувим Ефимович, какого молодца я вам передаю, уходя на пенсию, попробуй переубеди его!— улыбнувшись, сказал Морошкин, обернулся ко мне и представил: — Рувим Ефимович Фаликман, ваш новый классный руководитель. Он же и историю будет вам преподавать.

— Самое главное — не надо падать духом,— сказал новый учитель.

Так в мою жизнь вошел еще один человек, с которым мне теперь хотелось поделиться своим горем.

В учительской я застал всех своих учителей.

—А вот и еще один студент пришел!— воскликнул Рувим Ефимович.— Ну докладывай.

Молча я опустился на стул и рассказал о своей неудаче. В учительской некоторое время было тихо.

— Ну что же, Валерий! Не повезло в этом году, в будущем повезет!— нарушил молчание Фаликман.

— Может быть, кому-нибудь из нас съездить в институт?— поразмыслив, предложила Анна Кузьминична и обратилась к Фаликману: — Возьмите-ка на себя это дело.

Тот согласился.

На следующий день мы побывали на приеме у директора института.

Он пристально посмотрел на Фаликмана и с усмешкой спросил:

— Сын, конечно, у вас самый одаренный?.. И его обязательно нужно принять!

— Это мой ученик,— ответил Рувим Ефимович.— Я и все учителя Звенигородской средней школы просим вас принять Завьялова. Из письма вам многое станет ясно.— И Фаликман подал директору несколько листов в клеточку, исписанных знакомым морошкинским почерком.

— Почему вы думаете, что ваш питомец сможет работать в библиотеке?— прочитав письмо, спросил директор института.

— А где, как не в библиотеке, может найти себя человек в его положении?— ответил вопросом на вопрос Фаликман.

— Резонно,— согласился директор.— Ну вот что... Поезжайте в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений. Разыщите Илью Марковича Цареградского. Он что-нибудь придумает.— Директор помолчал и обратился ко мне: — Только поезжайте один. Так лучше будет...

Илья Маркович Цареградский, которому в молодости выпало счастье работать под руководством Надежды Константиновны Крупской, оказался энергичным, подвижным человеком. Сквозь очки на меня смотрели внимательные глаза. Он попросил подробно рассказать о себе.

Цареградский слушал, постукивая карандашом по столу. Мне показалось, что он не разбирает мою речь. Я замолчал.

— Продолжайте,— тихо попросил он,— Значит, Александра Ивановна Максимова взялась вас учить с такими физическими недостатками?

— Да...

— Ну, вы прямо молодец. Преодолеть такое...

— И оказаться у разбитого корыта,— горько усмехнулся я.

— Выше голову, юноша!— ободряюще сказал Цареградский. — Что-нибудь придумаем!— Он встал и прошелся по кабинету. Вид у него был озабоченный.— С институтом можно сладить. Дадим указание принять вас на заочное отделение...

— А можно?— воскликнул я.

— Попытаемся!— пообещал Цареградский.— Но сможете ли вы заочно окончить институт? Трудно заочно учиться!..

— Я попробую...

— Ладно, дерзайте,— сказал Цареградский и вышел из кабинета.

Не знаю, сколько времени я сидел один. Столько вспомнилось в эти минуты! То мысленно переносился я в далекое Константинове, когда, стоя у приоткрытой двери класса, я с завистью смотрел, как учились другие. То перед глазами вставали занятия с Александрой Ивановной и Михаилом Савватьевичем.

Вернулся Цареградский.

— Все в порядке. Поезжайте в институт. Вас оформят на заочное отделение. Да, еще один совет: если в городе представится случай поступить на работу хотя бы в маленькую библиотеку, не упускайте его...

И случай такой представился.

В библиотеке артели инвалидов «Волга» освободилось место библиотекаря.

— Зарплата у нас небольшая,— предупредил меня председатель артели, оформляя документы,— да и работать

придется через день по два-три часа... Присмотритесь, может быть, вам и понравится у нас.

— Для меня самое главное доказать, что я смогу работать.

— Добро,— кивнул председатель и встал, давая понять, что время тратить зря не следует. Он понимал людей с полуслова. Вероятно, в этом ему помогала многолетняя политработа в армии. Год назад он ушел в отставку в звании полковника.

И вот я среди книг. Пушкин, Гоголь, Фадеев, Шолохов и многие другие знакомые и незнакомые авторы ждали своих читателей. Так прошло часа два, может быть, три; в библиотеку никто не приходил.

«Рабочий день на исходе, и ни одного читателя»,— с досадой думал я, продолжая рыться в книгах. Отобрав несколько десятков интересных произведений, я решил отправиться по цехам.

Токарный цех, куда я зашел в первую очередь, встретил меня дружным однотонным гулом работающих станков.

Я остановился у одного станка и несколько минут наблюдал за работой горбатого парня, завидуя и восхищаясь ловкостью его рук. На моих глазах обыкновенная березовая чурка превращалась в шахматную фигуру. «Мне бы такие руки, стоял бы я сейчас у станка и вот так же превращал деревянную чурку в шахматного коня»,— мелькнула мысль.

Ко мне подошел начальник цеха.

— Библиотекарь? Очень хорошо. Располагайтесь вон на том столе. Сейчас будет перерыв.

Едва я успел разложить принесенные книги, начался перекур.

Стряхивая с себя стружки, к столу подходили токари и просматривали книги. Только тот парень, кем я восхищался, стоял в стороне и курил. Я подошел к нему.

— А вы, может быть, возьмете что-нибудь почитать?

— «Как закалялась сталь», что ли?— с усмешкой спросил он — Это я уже читал.

— Прочти еще раз,— вступил в разговор пожилой токарь.— Когда же ты, наконец, человеком станешь, Жуков Иван?

— А что девать, Кондратьич? Такая уж у инвалидов судьба.

— Посмотри на него,— Кондратьич показал в мою сторону.— Тяжелее тебя болен, а в институт поступил.

— Мне и семилетки хватит. В театральный институт все равно не поступлю...— Жуков сделал несколько затяжек и, выпустив табачный дым, продолжал: — В Доме культуры хотел в драмкружке заниматься... Не приняли... Инвалиды нигде не нужны.— Махнув рукой, он направился к своему станку.

«Неправда! Сильные духом везде дорогу пробьют»,— хотел возразить я, но сдержался, решив поближе познакомиться с

Жуковым и тогда вернуться к этому разговору.

Поднимаясь по лестнице в швейный цех, я остановился и прислушался. Девушки пели так, для себя, и среди общего хора выделялись сочные красивые голоса. Песня оборвалась, когда я вошел в цех.

— А вот и кавалер пришел,— шутя заметила высокая девушка.— Что же ты стоишь? Растерялся? Не бойся, не укусим!

Все засмеялись.

— Девушки,— сказал я, с трудом сдерживая волнение,— а почему бы нам не организовать хор?

— Пробовали,— послышался ответ.— Да нет руководителя...

— А если еще попробовать?

— Не верим мы в эту затею!..

«Где взять руководителя?» — размышлял я по дороге домой. Зашел посоветоваться к Морошкину.

Он встретил меня радушно. За чаем расспрашивал о первых шагах на библиотечном поприще. И я рассказал ему о мечте горбатого токаря и о девичьих грустных песнях.

— Хорошо, Валерий, что тебя волнуют Судьбы других. Плохо, когда человек теряет веру в свои силы. Ты, Валерий, оказался сильнее своей судьбы! И теперь работаешь среди людей, обиженных судьбой. Настала и твоя очередь вступить в армию исцелителей человеческих душ. Нелегкое это дело. Но тебе ли бояться трудностей? Так вот, Валерий,— продолжал Морошкин,— иди в дом отдыха «Связист», . живут там Вера Максимовна и Виктор Александрович Зверевы. Они помогут тебе организовать художественную самодеятельность. Я записку Зверевым напишу...

Глава 2

Меня вызвали в институт на первую экзаменационную сессию. В канцелярии заочного отделения толпились студенты. Со всех уголков Советского Союза съехались они сюда. За плечами у них годы войны и многолетняя работа в библиотеках. Сейчас возрасты и ранги смешались в одно понятие — студент-заочник.

— Вас поселят в комнате № 17,— сказал мне методист, вручая зеленую зачетную книжку и направление в общежитие.

— В одной комнате будем жить,— услышал я чей-то голос. Обернулся и увидел худощавого человека с узким подбородком.— Подождите меня. Вместе пойдем. А вот и наша резиденция,— указал мой спутник на одну из дверей студенческого общежития. — Да там уже кто-то живет!

Нас встретил загорелый мужчина с непослушным чубом и шрамом на левой щеке. На своей тумбочке он укладывал потрепанные тетради.

— Дома я мало успел сделать, В сельской местности вообще время не замечаешь,— проговорил он.— Работать и учиться трудно.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошла подвижная молодая женщина. Мы с удивлением смотрели на непрошеную гостью. А она, угадав наши мысли, представилась:

— Женя Минаева, староста первого курса. Прошу всех назвать фамилию, имя и отчество, должность.

— Иванов Николай Николаевич... заведующий сельской библиотекой,— откликнулся наш сосед по комнате.

— Кто же это вас так разукрасил?— кивнув на шрам, поинтересовалась Женя.

— Во время войны с немецкой овчаркой «поцеловался»,— усмехнулся Иванов,

А того, с кем я пришел, звали Алексеем Ильичом Ермиловым. Жил он в Мелитополе и работал директором библиотеки педагогического института.

— Так вот, мальчики,— записав эти сведения в тетрадь, сказала Женя.— На лекции не опаздывать... Ну и вообще будьте умниками! Ладно?

— Постараемся!— весело за всех ответил Ермилов.

Курс истории КПСС читал нам профессор Толоконский. Был он высокий, подтянутый. Говорил просто. Иногда рассказывал о событиях, s которых сам принимал участие.

На экзамене студенты успокаивали друг друга:

— Дядька мировой. Сдать можно!

Настала моя очередь. Профессор пригласил сесть.

— Прочитал я вашу контрольную работу.

— И ничего не поняли?— тихо спросил я.

— Нет, разобрал. Правда, времени пришлось много потратить, почти целый день. Но я не жалею. Нечасто студенты-заочники балуют нас самостоятельными работами. Многие предпочитают списывать с книг. Одна студентка переписала почти всю мою брошюру, и я не знал, чью работу я проверяю — свою или ее. Ну что ж, давайте побеседуем. Тащите билет.

Вопросы были трудные, и я чувствовал, что отвечаю на них неуверенно. Но экзаменатор, взяв мою зачетную книжку, полистал и, к моему удивлению, поставил «хор».

— Почему же «хор»?— несмело проговорил я.— В школе мне поблажек не делали.

— И я вам поблажек не собираюсь делать,— возразил Толоконский.— Оценку поставил вполне заслуженно. Вы активно участвовали в семинарах. И ваша контрольная работа мне понравилась.

Вернувшись из института, я приступил к выполнению учебного плана, по которому каждый студент-заочник должен был провести библиографический обзор новинок художественной литературы.

В обеденный перерыв отправился в швейный цех.

Сперва из-за приличия слушали внимательно, затем начали шептаться и открыто переговариваться. По всему видно было, что они просто меня не понимают и им неинтересно.

Наскоро закруглив беседу, я вышел из цеха. «Библиотекарь из меня не получился»,— вздохнув, подумал я, вспоминая о совете учительницы немецкого языка научиться какому-нибудь ремеслу...

Было это в девятом классе. Учительница возвратила мне непроверенную контрольную работу. Во время перемены я подошел к ней со своей тетрадью.

— Я ничего не поняла, что вы там написали,— сердито буркнула она.

— Мой почерк трудно разобрать. Но где же выход?— настойчиво-нетерпеливо продолжал я.

— Ну что вам можно посоветовать?— смягчилась учительница.— Не следует вам мучиться. Зачем вам десятилетка? Освойте какое-нибудь ремесло и работайте себе на здоровье.

Учительница вышла из класса, а я стоял растерянный, ничего

не соображающий.

Вспомнив сейчас этот разговор, я решил теперь, после неудачи с обзором, попробовать клеить коробочки. Мастер картонажного цеха дал мне бракованные заготовки, я приступил к работе.

За три часа я сделал всего три коробочки, и те пошли в брак!

— Не получается?— посочувствовал мастер.— Тут здоровые руки нужны.— Он хотел сказать еще что-то, но его позвали к телефону.

«Еще одна неудача»,— подумал я и вышел из цеха. У самых дверей встретился с Иваном Жуковым.

— Вот ты где! А я тебя по всей артели ищу. Понимаешь, какое дело! Придумал я одну штуку, а чертеж сделать не могу. Поможешь?

— Нет, Ваня, в школе от черчения я был освобожден.

— Жаль. К кому же мне теперь обратиться?

— А что ты придумал?

— Станок-автомат для выточки шахматных фигур.

— Станок-автомат?— с недоверием спросил я.

— Вот смотри,— оживился он и стал объяснять.

— Светлая у тебя голова, Иван, а ты учиться но хочешь. Не валяй дурака, поступай в вечернюю школу.

— Опять ты за свое!— поморщился Жуков.

— А как же, вот ты придумал интересную вещь, а объясняешь ее на пальцах, без чертежей. Разве не ясно, что надо учиться?

— М-да,— вздохнул Жуков и отошел от меня.

Вопреки предсказаниям скептиков художественная самодеятельность у нас все-таки родилась. Зверевы согласились ею руководить. Ивану Жукову подобрали роль в спектакле районного Дома культуры. А мне удалось убедить его поступить в школу рабочей молодежи. И вдруг звонок из школы: Жуков пропускает занятия. А потом позвонил наш художественный руководитель Зверев — Жуков не ходит на репетиции.

Я пошел домой к Жукову. Он лежал на кровати, читал книгу Станиславского «Работа актера над собой». На столе валялись окурки, в беспорядке стояли грязные стаканы и недолитая «Перцовка».

— Завьялыч, привет! Пришел воспитывать? Валяй!— Он закурил.

— Зачем мне тебя воспитывать? В конце концов ты не ребенок. Виктор Александрович просил тебе передать, что сегодня репетиция.

— Не может быть!— трезвея, воскликнул Иван.— Он же

сегодня собирался в Москву, а репетицию перенес на завтра.

— Поездку он почему-то отложил.

— Вот черт, а я напился.— Иван заметался по комнате.— Слушай, Валерий, возьми чайник и принеси из колонки воды.

Я принес воды. Иван умылся, и хмель прошел.

— Ну теперь я в норме. Можно репетировать. Сейчас оденусь.

— Не торопись, Ваня, сядь,— попросил я.

— А репетиция?..

— Извини, Я обманул тебя.

— Обманул?.. Ты на это способен?— Иван весело рассмеялся. — Ей-ей, уморил... Завьялов — и вдруг обманул...

— Послушай, Ваня, я был в твоей школе...

— Понятно... Агитировать будешь!.. Не советую... В школу не вернусь.

— Ведь десятый остался.

— А дальше?.. В театральный институт все равно не попаду. А ради бумажки стоит ли учиться?..

— В библиотеке Ленина я видел кое-какие книги о ГИТИСе и узнал, что...

— Что узнал?— нетерпеливо спросил Иван.— Да не тяни ты.

— В ГИТИСе не только актерское отделение, есть еще и режиссерское.

— Здесь есть над чем подумать...

— Вот и думай... У тебя целый год впереди. А теперь иди в школу.

— К третьему уроку?.. Может быть, завтра?..

— Прости, но я напомню тебе пословицу: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня!»

— Ладно. Пойду!— согласился Иван и стал быстро одеваться.

Виктора Александровича Зверева мы разыскали в клубе дома отдыха «Связист». Шла подготовка к очередному концерту для отдыхающих.

Вообще на репетициях, как правило, никому присутствовать он не разрешал, но мам позволил в порядке исключения.

Мы заняли с Иваном Жуковым места в зрительном зале и с замиранием смотрели на его приемную дочь Раису, выполнявшую на сцене сложный акробатический этюд.

В молодости Зверев был цирковым артистом. Мечтал о смелом аттракционе. Но по болезни вынужден был оставить цирк. Освещенная арена возвращалась к нему лишь во сне, и от одной только мысли, что на манеж возврата нет, его прошибал холодный пот. Вся жизнь казалась мраком, из которого не было выхода.

В один из вечеров, когда за окном моросил осенний дождь со снегом и Звереву было особенно тоскливо, жена его, заведующая клубом при военном госпитале, сказала как бы между прочим:

— Знаешь, Виктор, у нас организуется детский акробатический кружок... Может, ты...

— Нет уж, Верочка, уволь,— отмахнулся он.

— Ты не хочешь мне помочь?..— От укоризненного взгляда ему стало как-то не по себе, и он согласился взглянуть на ее подопечных.

Среди девчонок-акробаток внимание привлекла диковатая маленькая татарочка. Опытный глаз циркового артиста отметил тонкую фигурку, широкие плечи и узкие бедра. «С такой можно поработать всерьез»,— сказал он себе и стал мысленно «лепить» будущий цирковой номер. Маленькая татарочка и была Раиса, средняя дочь многодетной семьи шофера Гениятова, ушедшего на фронт.

А через десять лет Раиса Гениятова обратила на себя внимание ценителей красоты и грации. Забегая вперед, скажу: теперь она профессиональная артистка. Ею любовались во многих странах. Так бывший цирковой артист вновь ощутил волнение рампы, выпустив на арену свою воспитанницу. Об этом я узнал позже, когда прочитал повесть супругов Зверевых «Мечта моя, цирк...», вышедшую в 1964 году в издательстве «Советский писатель».

Окончив репетицию, Зверев спустился к нам.

— Слушай, Жуков, хватит дурака валять,— нахмурив густые брови, отчитывал он Ивана.— Кто мечтал о сцене? Или это лишь пустая болтовня?..

— Виноват я, Виктор Александрович,— тихо произнес Жуков,— поверьте, больше это никогда не повторится. Знаете, как трудно начинать новое дело, если нет уверенности.

Худрук не спускал с него внимательных глаз, спрятанных под насупленными густыми бровями.

— Трудный путь, Ваня, по плечу сильным!— проговорил Зверев.

— Вот и Валерий так говорит! Но ведь это всего лишь красивые слова...

— Так не ходи к нам!— холодно заключил Зверев.

— Не ходи! А если тянет? А, к черту все!— вспыхнул Иван и, не простившись, ушел. Я было за ним, но Зверев остановил меня:

— Ему нужно побыть одному, все равно к нам снова придет!

Однажды Морошкин пригласил меня в Звенигородский краеведческий музей. От Звенигорода нужно было идти 4

километра по липовой аллее. Я любил эти места и с радостью составил компанию своему старому учителю.

— Я тебя, Валерий, познакомлю с краеведом Николаем Сергеевичем Елагиным. А вот и он!— указал Морошкин на старца с седой окладистой бородой. В памяти промелькнули кадры из фильма «Глинка» — встреча композитора с бородатым крестьянином, с которого он написал своего Сусанина.

Елагин стоял среди экскурсантов и с увлечением рассказывал о Саввино-Сторожевском монастыре, где теперь находился музей, — о прошлом и настоящем Звенигородского края — русской Швейцарии.

Окончив лекцию-экскурсию, Елагин подошел к нам.

— Что, молодца в краеведы посвящать привели?— спросил он, здороваясь.

— Он у меня уже посвящен,— улыбнулся Морошкин и представил меня Елагину.— Бывший мой ученик, Валерий Завьялов, студент библиотечного института. Думаю сагитировать его составить библиографию по истории нашего края.

— Составишь?— спросил Елагин.

— Составлю!— неожиданно для себя согласился я.

— Ну, коли так, пойдем проведу в «святая святых» — музейную библиотеку.

— Видишь, Валерий, какая тебе честь выпала,— воскликнул Морошкин,— меня туда Николай Сергеевич не приглашал, хотя мы с ним и большие приятели.

— Пока библиотека не разобрана,— оправдываясь, ответил Елагин,— а Валерий, может быть, приведет ее в порядок.

— Да еще каталог составит!— добавил Морошкин.

— Владимир Сергеевич, у меня же почерк плохой!— с отчаянием воскликнул я.

— Машинку тебе выделим,— услышал я спокойный голос Елагина.

Я посмотрел на своих собеседников и понял: они заранее обо всем договорились.

Глава 3

Библиотека имени В. И. Ленина! Сюда приходят люди разных возрастов и профессий. От первокурсника до седовласого профессора. Тут встретишь жителя Москвы и приезжего из самых дальних мест земного шара. Получив контрольный листок, направился я в общий читальный зал. Дежурный по залу, Федор Андреевич Колосов, объяснил, как пользоваться каталогами. А на другой день, когда я снова пришел в библиотеку, передо мной лежали подшивки звенигородской районной газеты. Об этом позаботился все тот же Федор Андреевич.

Листаю номер за номером, и живая история двадцатых годов проходит перед моими глазами.

На первый взгляд незначительные хроникальные заметки спустя тридцать лет приобретали большую историческую ценность.

Попадались статьи и заметки краеведов, которых я встречал на заседаниях музейного совета. Из газет я узнал, что краеведеньем Елагин начал заниматься еще в двадцатые годы. В 1929 году вышла его книга «По Московскому краю».

Газета рассказала и о том, как сельский учитель Фунтиков организовал первый в Московской области колхозный музей.

Я начал разыскивать книги и журнальные статьи о Звенигородском крае в библиографическом кабинете нашего института (теперь он переименован в институт культуры). Нравилось стоять у полок и листать справочники, составленные 100 и более лет назад. По ним училось много поколений библиографов. Когда я готовил свою курсовую работу, в кабинет вошел профессор Богдан Степанович Боднарский. Он перекинулся шуткой с одним студентом, с другим и, подойдя ко мне, спросил:

— У вас, молодой человек, какая тема диссертации?

— До диссертации еще топать и топать. Я всего-навсего студент четвертого курса и делаю курсовую работу.

— А какая тема?— поинтересовался профессор.

— Библиография по истории Звенигорода.

— Значит, краеведением интересуетесь?.. А вообще, библиографическая работа вам нравится?

— Разве она может не нравиться?

— Ну, знаете, встречал я молодых людей, которым библиография кажется скучной.— Голубые глаза Боднарского вспыхнули.

— Нет, это очень интересная наука!— подтвердил я.— Правда, приходится, к сожалению, слышать мнение некоторых

специалистов, что библиография не является наукой...

— Давнишний схоластический спор,— сердито проговорил профессор.— Медицина ведь тоже не всеми признается наукой. Однако медиков это нисколько не волнует. Они делают свое, нужное всем дело. И тем самым утверждают науку!

Работа была закончена, и ее нужно было перепечатать.

В Звенигороде машинисток по пальцам перечесть. Все отказались из-за непонятного почерка. Со своим горем я пришел к Морошкину. Он долго перебирал листы.

— А работа-то ценная получилась. Я уже и забыл, что в нашей звенигородской газете были опубликованы такие интересные материалы. Словом, Валерий, хороший подарок ты сделал нам, краеведам. Сейчас начнется подготовка к 40-летию Великого Октября, и твой указатель как раз кстати.

— Но как же мне, Владимир Сергеевич, быть с перепечаткой?

— И я думаю об этом, да пока ничего придумать не могу. Если бы я работал в школе, я бы прислал к тебе ребят. Они бы переписали от руки. Постой! Почему бы тебе не пойти в школу, к Рувиму Ефимовичу... Он обязательно что-нибудь придумает.

И вот я в школе. У Фаликмана «окно» между уроками. Он в учительской. Выслушав меня, сказал:

— Ладно, жди завтра «секретарей».

На следующий день наша маленькая терраса наполнилась девичьими голосами. В несколько минут моя рукопись была разобрана по листочкам.

— Девочки, очень вас прошу, не перепутайте страницы.

— Да нет, что вы!..

Я сидел и с завистью наблюдал за своими «секретарями», которые работали легко и быстро. Для них это было вроде забавы. А для меня... То, что они сделали за какой-нибудь час, мне бы пришлось делать неделю, а может быть, и больше.

Работа была закончена, и девочки ушли. А я стал проверять. Что это? Целый винегрет. Двадцатая страница попала на пятую, а четырнадцатая — на двадцать пятую.

Я растерянно смотрел на листы и не знал, что с ними делать.

Пришел с работы отец, и мы целый вечер приводили листы в порядок. Когда все было кончено, отец сказал:

— Пишущую машинку надо покупать. Без нее не обойтись.

Жизнь в артели шла своим чередом. Артель пополнялась новыми людьми. Я сразу же записывал их в библиотеку. У большинства из них не было даже семилетнего образования. Надо убедить их идти в школу рабочей молодежи. А в моей жизни

сегодня должно произойти важное событие — меня принимают кандидатом в члены партии.

Если спросят на собрании, зачем я вступаю в партию, скажу: чтобы быть в ответе за судьбу Ивана Жукова, других парней и девушек, которые вчера пришли в артель и придут завтра.

И вот начинается партийное собрание. Каждого сидящего здесь я хорошо знаю.

— Ну, товарищи, у кого есть вопросы к Завьялову?— спрашивает секретарь парторганизации.

— Все ясно,— слышится хрипловатый басок Кондратьича.— Пить-то у нас меньше стали. А Ваню Жукова будто подменили, В общем, так, товарищи! Я Валерия Завьялова знаю с детства. На моих глазах он пробивал себе дорогу. И у нас в артели много хорошего сделал. Хочу открыть один секрет. Все вы знаете закройщицу Клаву. Она в религию ударилась. Многие знали об этом. А кто направил девушку в нужное русло? Завьялов. Словом, я предлагаю принять.

— Правильно,— послышались голоса.

— Других предложений нет?— спросил секретарь.— Ставлю на голосование. Кто за это предложение, прошу поднять руку... Единогласно...

«Единогласно!»

Я летел домой, словно на крыльях. Теперь я могу сказать: «Я отвечаю за все». Разве не в этом счастье? Захотелось поделиться своей радостью с Морошкиным. Но оказалось, они с женой уехали в Москву. Взволнованный, пришел домой.

— Ну, приняли?— такими словами встретил меня отец.

— Приняли!— воскликнул я.— Теперь мы с тобой, пап, состоим в одной партии.

— Поздравляю, сынок,— проговорил отец,— держи подарок!

— Что это, машинка?

— Ты мечтал об этом. Вот и получай.

В эту минуту, наверное, не было на свете человека счастливее меня.

Мой «Указатель по истории Звенигорода» заинтересовал Московскую областную библиотеку. Я получил приглашение посетить ее.

Домой возвращался поздно вечером. До отправления поезда на Звенигород оставалось часа полтора, и я пошел в зал ожидания. На одной из скамеек увидел Федора Андреевича, знакомого сотрудника Ленинской библиотеки. «А вот и попутчик интересный»,— обрадовался я и подсел к нему. Чемодан, в котором, кроме моего «Указателя по истории Звенигорода»,

ничего не было, поставил сзади себя.

— А, Валерий,— узнал меня Федор Андреевич.— Домой?

— Домой. А вы?

— Я в Хлюпино. Там у меня на даче жена с дочкой, завтра выходной. Ну а твои-то как дела?

— Да вроде ничего... Закончил свой указатель. В районной газете есть отзыв. Вот смотрите... А где же мой чемодан?..

— Может быть, ты где-нибудь оставил? Вспомни.

— Да нет, я сюда его поставил. Кто же мог его взять?

Я обошел всех сидящих в зале, думая, что это чья-нибудь шутка. Но чемодана так и не обнаружил.

— Пойду в милицию.

— И я с тобой,— проговорил Федор Андреевич.

— Вы же на поезд опоздаете,— возразил я.

— Не будем, Валерий, терять время. Идем.

Пока мы добирались до ближайшего отделения милиции да ждали, когда нас примут, прошло с полчаса. Наконец дежурный пригласил нас к себе в кабинет. Мы рассказали о происшествии.

— Помните, что у вас в чемодане было?— спросил он.

— Конечно, помню,— ответил я,— там были рукописи и рецензия, опубликованная а местной газете.

Составив протокол, дежурный сказал:

— Ну а теперь идемте на место происшествия.

Среди людей, попадавшихся нам навстречу, я вдруг увидел высокого мужчину, шагающего с чемоданом, похожим на мой.

— Точь-в-точь как мой чемодан,— сказал я, показывая на него дежурному.

— Проверим,— сказал он и решительно направился к мужчине.

— Прошу прощения, что у вас в чемодане?

— Водка да хвост селедки,— нагловато бросил мужчина на ходу.

— Одну минутку, гражданин,— сказал милиционер.

— Что еще?— нервно спросил тот.

— Откройте ваш чемодан.

Мужчина пожал плечами, помедлил, потом швырнул чемодан и бросился в сторону, но милиционер успел подставить ему ножку, и беглец растянулся на асфальте. Все вместе мы отправились в отделение милиции. Там открыли чемодан, и я увидел мой указатель и селедку, завернутую в газету с рецензией на мою работу, а также недопитую «Перцовку». Милиционер стал составлять акт.

— Завтра утром к десяти часам вы должны быть здесь, придет

следователь,— сказал он мне.

— Я не сумею обернуться. В час ночи последний поезд.

— Тогда ночуйте здесь на диване.

— Ты, Валерий, оставайся,— сказал Федор Андреевич,— а я поеду к твоим родителям, чтобы они не беспокоились, потом домой.

— Спасибо!

Рано утром, едва я успел перекусить в столовой, что находилась напротив отделения милиции, прислал Федор Андреевич, и мы вместе пошли к следователю.

Следователь оказался симпатичным молодым человеком со светлыми волнистыми волосами. Был он строен и, несмотря на штатский костюм, подтянут по-военному. Предложив нам сесть, он стал читать протокол, составленный вчера дежурным.

— Стало быть, чемодан украли? Какого цвета?

— Желтый.

— Что было в чемодане?

Я перечислил содержимое моего чемодана.

— А теперь расскажите, как это произошло!— попросил следователь.

— Валерию трудно говорить. Позвольте мне рассказать за него,— попросил разрешения Федор Андреевич.

— Пожалуйста!

Выслушав подробный рассказ о вчерашнем происшествии, следователь позвонил и приказал привести арестованного. Через несколько минут его ввели.

— Возвращались из заключения и не доехали до места? Что, там было лучше?

— Хорошего мало,— буркнул подследственный,— только дело мне не шейте!

— Этого гражданина знаете?

— Первый раз вижу.

— Как же к вам его чемодан попал?

— Нашел.

— Нашли? Почему же побежали, когда вас попросили открыть чемодан?

— Не брал я, слышите, не брал,— закричал он истерически,— слушаете всяких уродов!

— Урод-то скорее вы,— не выдержал Федор Андреевич,— такой здоровый и воруете. Инвалид же этот много добра людям сделал, теперь институт оканчивает. А что у вас за плечами?

— Пятнадцатилетний общий стаж тюремного заключения,— заметил следователь и, обращаясь ко мне, спросил: — Давно

болеете?

— С рождения.

— Да, не тех судьба обижает, кого надо!— проговорил следователь и пристально посмотрел на арестованного. Тот дернулся под его твердым взглядом. От самоуверенности не осталось и следа.

Следователь подписал протокол очной ставки и велел увести арестованного. Тот встал и тяжелой походкой покорно направился к выходу.

Глава 4

Весенняя сессия пятого курса подходила к концу. Сидим в аудитории, где нам предстоит прослушать вводную лекцию по диалектическому материализму. Читать ее нам будет Степан Валентинович Маркин. Мы были несколько удивлены, когда в аудиторию вошел молодой человек, опираясь на две палки. С трудом дошел он до кафедры. Ему хотели помочь, но он отказался.

— Никогда не показывайте, что вы сильнее других!— внушительно оглядев аудиторию, медленно произнес Маркин.— И пожалуйста, не жалейте меня. А то, если я вас начну «жалеть», худо вам станет,— усмехнувшись, полушутливым тоном добавил он.

В аудитории послышался шумок.

— Итак, что же такое диамат?..— начал Маркин.

Говорил он не торопясь, давая возможность записывать. Каждое положение подкреплял цитатами из произведений классиков марксизма-ленинизма.

— Вот память!— слышался восхищенный шепот студентов.— Нам бы такую!

Я тоже восхищался этим человеком и думал: «Действительно, спорить с судьбой, идти наперекор ей могут лишь сильные духом».

Поздно вечером, когда мы укладывались спать, в комнату нашего общежития неожиданно вошел Маркин.

— Братцы, придется вас немного уплотнить, только на одну ночь!— объяснил он.

Студенты принесли койку и постельные принадлежности, Маркин оглядел нас и весело спросил:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

В таком же шутливом тоне представились и мы. И как-то сразу исчез тот невидимый барьер, который в первую минуту разделял преподавателя и нас.

Присев на кровать, Маркин снял тяжелые стальные ноги и забросил на нее свои, пораженные полиомиелитом. Но никто из окружающих не испытывал той жалости, которую вызывают больные. Он достиг такого положения, что окружающие не замечают его физических недостатков. Сумел «спрятать» их. Но как? Мне хотелось расспросить его, получить советы для будущего. Когда общий разговор угас, Маркин обратился ко мне:

— Ну, Валерий, а ты почему молчишь?

— Я слушаю. Но, если можно, позвольте задать вам вопрос.

— Задавай,— разрешил Маркин.

— Как вы стали кандидатом философских наук?

Маркин ответил не сразу:

— Мечтал о дипломатической работе. Собирался поступать в институт международных отношений. А мне говорят откровенно: с такими недостатками в дипломаты не лезь...

— И вы покорились злой судьбе?

— Покориться злой судьбе? Выражение-то какое страшное,— Маркин усмехнулся.— Покориться — значит стать обузой общества, семьи. А этого обо мне не скажешь.

Маркин улыбнулся, как улыбаются сильные, мужественные люди.

— Но мечта твоя не сбылась, скажешь ты,— строго посмотрев на меня, сдвинул он густые брови.— Просто я реально рассудил и выбрал философию. Увлекся ею и теперь считаю, что интереснее философии нет ничего на свете. Слушайте, ребята,— обратился он к моим товарищам по комнате,— вы песни любите, а?

— Кто же песни не любит?— откликнулся Ермилов.

— Давайте споем. Только погасим свет.

И мы запели. Старинные народные песни сменялись революционными. А когда все уснули, я долго не спал и думал: как жаль, что так быстро кончился этот замечательный вечер.

Коротки студенческие ночи. В одну из них не спалось. Едва забрезжил рассвет и у горизонта зажглась первая полоска зари, я встал. Приняв холодный душ, направился в учебный корпус.

Поднялся по лестнице на четвертый этаж и остановился: в крайней аудитории кто-то тихо играл «Баркаролу» Чайковского. В прекрасной мелодии чудились мне и затаенная грусть, и неудержимая радость.

Стараясь не спугнуть волшебного очарования музыки, приоткрыл дверь. Музыка оборвалась. Девушка смущенно опустила крышку рояля. Встала, поправима волнистые светло-русые волосы и взглянула на меня. Ее глаза еще светились каким-то внутренним светом.

— Простите, я помешал... Услышал вашу игру и не смог пройти мимо— Спасибо вам.

— Ну что вы, я играю скверно. Да и к инструменту давно не подходила,— еще более смущаясь, проговорила она и, словно спохватившись, спросила: — Который час?

— Скоро пять.

— В девять зачет, я очень волнуюсь...— В ее взгляде мелькнуло выражение озабоченности, напомнившее и мне о предстоящем зачете.

Девушку звали Камиллой. В минуты отдыха она часто садилась за рояль. Последний раз я слушал ее игру в день окончания института.

После торжественного вручения дипломов мы оккупировали студенческую столовую, превратив ее в банкетный зал.

Начались тосты. Слышалась оживленная речь.

Я попросил Камиллу сыграть. Все поддержали мою просьбу. Девушка согласилась, прошла к инструменту и заиграла «Баркаролу»...

Диплом получен. И снова вопрос: что же дальше?

Поднимаюсь по мраморной лестнице на пятый этаж здания Министерства культуры РСФСР.

В длинном коридоре множество дверей. Неожиданно откуда-то доносится удивительно знакомый голос.

«Где я мог его слышать?» Торопливой походкой мне навстречу идет девушка. В памяти возникает студенческий вечер. С покоряющей всех улыбкой она подбегала то к одному, то к другому студенту и вытаскивала в танцевальный круг.

— Кто это?— спросил я сидящего рядом студента.

— Лора Иванова, секретарь комитета комсомола института,— ответил парень и, вздохнув, добавил: — Пойду сделаю скучающую физиономию, и она вытащит меня танцевать.

И действительно, через каких-нибудь пять минут он кружился с него в вальсе.

Так вот кого я встретил в министерстве, уж не работает ли она здесь?

— Здравствуйте,— протянул я, когда она приблизилась ко мне. Девушка спешила, но остановилась и, слегка наклонив голову, выслушала мою сбивчивую, невнятную речь, прикинула что-то и предложила:

— Посоветуйтесь с Александрой Андреевной Хренковой. Пойдемте, я провожу вас к ней.

Хренкова приняла меня приветливо.

— Проходите, садитесь. Уже окончили институт?— заметила она ромбик на моем пиджаке.— Знаю, нелегко вам пришлось — Цареградский мне рассказывал о вас. Что теперь будете делать?

— Не знаю,— ответил я,— вот моя первая библиографическая работа.— С этими словами я положил на стол «Указатель по истории Звенигорода».

— Сколько времени вы его составляли?

— Два года.

— Для начала неплохо,— о чем-то размышляя, сказала Хренкова.— Дам вам три адреса, где требуются библиографы.

Только, чур, если не возьмут, близко к сердцу не принимать. Договорились?

На следующий же день я отправился по указанным адресам. Первая библиотека оказалась неподалеку. Директор, самым тщательным образом просмотрев мои документы, попросил заполнить листок по учету кадров.

— А писать-то вам трудно,— вздохнув, заметил он, пробежав глазами листок,— у нас очень большая переписка... Боюсь, вы не справитесь...

«Вот и первый щелчок,— подумал я, садясь в автобус.— Мересьев, герой «Повести о настоящем человеке», настойчиво доказывал, что он может летать без ног. Так и мне нужно добиваться!»

Подходя ко второй библиотеке, увидел объявление, написанное крупными буквами: «Срочно требуется библиограф». «Может быть, здесь повезет?» — с надеждой подумал я. Но со мной даже и разговаривать не стали.

— Мы уже взяли,— выслушав меня, сказала женщина.

— А как же объявление?— спросил я.

— Какое объявление?— Я видел, как она переглянулась со своими сотрудниками, которые пришли на помощь своему директору.

— Просто забыли снять...

Это была ложь. Я остро чувствовал ее. Зачем люди лгут? Почему мне не сказали правду; не подходишь! И точка. Было бы легче.

А впрочем, может быть, они и правы. Какой из меня работник. Мне вспомнился случай, который произошел во время практики в Константиновской сельской библиотеке.

По деревянному крыльцу застучали каблучки. В библиотеку вошла молоденькая девушка.

— Здравствуйте, я пришла поменять книги.

— Пожалуйста,— ответил я.

— А где же библиотекарь?

— Ушла обедать... Я практикант и могу вас обслужить...

— Ой, я вас не понимаю,— проговорила девушка, и не успел я слова сказать, а ее и след простыл. А я стоял посреди комнаты и с грустью думал: «Вот и доказывай, что можешь работать».

В тот день я побывал еще в двух библиотеках, и везде повторилась та же картина. А в одну библиотеку вахтер не пустил, решив, что я пришел в нетрезвом виде.

На другой день в очередной библиотеке произошел такой разговор с заведующим:

— А родители у вас есть? Работают?

— Да!— растерянно ответил я.

— Они вас не обижают?— продолжала расспрашивать женщина.

— Нет...

— Ну вот и хорошо. Зачем же вам ходить, попусту трепать нервы?

— Я вас не понимаю,— опешил я.

— Все очень просто,— ласково продолжала она,— родители вас прокормят. А когда их не станет, Советское государство не оставит... Пойдете в райсобес, и вас направят в дом инвалидов.

— Словом, покориться судьбе? А Маресьев? А Островский?— Я смотрел ей прямо в глаза.

— Вы хотите сказать, что они победили недуг?— подсказала мне женщина.— Так это герои. Было бы нескромно с вашей стороны причислять себя к ним.

— Где же выход?! Ах да... смириться... Нет, не смирюсь!

На улице силы оставили меня, и я, чтобы не упасть, прислонился к стене. Мне сказали сейча* горькую правду. Разве лучше слушать ложь? Но мой указатель и работа в маленькой библиотеке разве не говорят, что я могу что-то делать? Должно быть, этого мало... А что же нужно еще? Руки... Хотя бы одну иметь здоровую руку.

Я пошатнулся и едва не упал. Кто-то поддержал меня.

— Спасибо,— поблагодарил я, обернулся и застыл от удивления: передо мной стояла Лидия Ивановна, машинистка нашего института.

— Валерий, как вы сюда попали?— удивилась она.

Я рассказал ей о своей неудаче.

— Постойте, сегодня я списала объявление: «Обучаю на пишущей машинке. Для инвалидов имею специальные протезы». Вот телефон! Позвоните. Я подожду у автомата. Очень хочется знать, чем кончится ваш разговор!

Дрожащей рукой я набрал номер. Протяжные гудки — к телефону никто не подошел.

— Может, это и хорошо, что никто не ответил,— вздохнул я.— Знаете, Лидия Ивановна, как мне надоело слышать «нет».

Я простился с ней и поехал в Ленинскую библиотеку.

— Что с тобой, Валерий?— встретил меня Федор Андреевич и усадил возле своего стола.— Тебе плохо? Подожди здесь, я позвоню в здравпункт!— И он скрылся в служебной комнате.

Скоро Федор Андреевич вернулся и сообщил:

— Как раз застал Филиппа Васильевича. Сейчас он придет. Давно я хотел тебя ему показать.

— А кто это?— насторожился я.

— Чернышов, заведующий нашим здравпунктом. Прекрасный врач и человек необыкновенный. Знаешь, он сам был инвалидом, а теперь никто даже не догадывается об этом.

— Как же так?— с сомнением спросил я, едва терпя головную боль и сильную слабость.

Пока врач шел к нам из другого корпуса библиотеки, вот что успел мне рассказать о нем Федор Андреевич.

До войны Чернышов учился в артиллерийском училище, увлекался конным спортом. Однажды на соревнованиях разбился. Травмы оказались столь серьезны, что его освободили от военной службы. Пока его лечили, он сам решил стать врачом. Поступил в медицинский институт, а когда его окончил, уже шла война. Он добился направления на фронт. Под Сталинградом был тяжело контужен. Но и после этого, хотя и не скоро, снова сумел вернуться в строй.

— Да вот и он сам,— прервал Федор Андреевич свой рассказ. В читальный зал входил человек в белом халате.

— Здравствуйте, Валерий, почему так бледны? Давайте-ка измерим давление. Не удивляйтесь, я немного знаю о вас... Да, батенька мой, низковато,— продолжал он,— с таким лежать надо! Сейчас сделаю укол!

Пока он приготовлял шприц, я наблюдал за ним, стараясь найти следы инвалидности, и не нашел. Об этом я сказал Федору Андреевичу, когда мы остались одни.

— Преинтересный человек! У них весь род такой!— улыбнулся Федор Андреевич.

И я узнал еще много любопытного. Оказывается, прадед Чернышова еще ребенком был украден абреками и продан в рабство осетинекому князю. Двадцати лет бежал от него, прихватив с собой две лошади и младшую княжну, с ее согласия, конечно. Его предки участвовали в Булавинском восстании, а затем скрылись на Дону. Отец Филиппа Васильевича в первую мировую войну был арестован за большевистскую пропаганду и отправлен на передовую. После Октябрьской революции командовал отрядом по борьбе с басмачами, принимал участие в установлении Советской власти в Средней Азии.

Словом, было от кого доктору Чернышеву унаследовать свой характер. И здесь, в Ленинской библиотеке, он сумел за два года убогий кабинетик первой помощи превратить в первоклассный здравпункт, настоящий «цех здоровья» для трех с половиной тысяч работников главной библиотеки страны. А сам, чтобы лучше понимать своих пациентов, окончил Высшие библиотечные курсы.

— Видишь, Валерий, на что способны люди с характером?—

закончил рассказ Федор Андреевич.

Помощь врача и необыкновенная история его жизни вывели меня из уныния.

— Чуть не забыл,— воскликнул я,— сегодня мне дали телефон человека, который учит инвалидов писать на машинке. Можно позвонить отсюда?

— Конечно,— разрешил Федор Андреевич.

С волнением набрал я номер.

— Слушаю,— послышался женский голос.

— Я... У меня парализованы руки... Сможете научить меня работать на машинке?

Некоторое время в трубке молчание, затем спокойный голос:

— Простите, я вас не поняла. Повторите, пожалуйста.

Я повторил.

— Чем вы больны?

— Болезнь Литля. Родовая травма.

— Что же, попробуем... Приезжайте,— пригласила она.

Дочь и мать Максимовы занимали однокомнатную квартиру в Подсосенском переулке. Позже я узнал, что Нина Анатольевна, миловидная молодая женщина, потеряла зрение во время войны. Ее мать, Фаина Геннадиевна, тоже была с пораженным зрением, правда, немного она все-таки видела. Вот к этим женщинам я и пришел.

Фаина Геннадиевна попросила рассказать о себе. Выслушав меня, сказала:

— Постараемся вам помочь. Попробуйте сесть за машинку, смелее. Не бейте сильно по клавишам. Удар должен быть плавным. «Слепым» методом вряд ли мы сможем научить?— обратилась она к дочери.

— Будем учить «зрячим»,— откликнулась та.

— Спасибо вам. Теперь остается договориться о плате,— начал я.

— Мы инвалидов учим бесплатно,— просто сказала Нина Анатольевна, будто речь шла о пустяке.

— Почему бесплатно?.. Я...

— Вы слышали, что Нина сказала?— вмешалась в разговор Фаина Геннадиевна.— И прошу к этому не возвращаться. Завтра к двум часам без опоздания приходите на занятия.

Она еще что-то хотела сказать, но звонок прервал ее.

— Кто-то еще идет.— Фаина Геннадиевна пошла открывать, и через несколько минут ввела в комнату молодую женщину. По ее неуверенной походке нетрудно было догадаться — она слепая.

— Вы меня, конечно, забыли, Фаина Геннадиевна,— проговорила гостья,— а я бы ваш голос за три версты узнала. Вы

же поставили меня на ноги.

— Постойте, постойте!.. Это было, кажется, в 1947 году на Казанском вокзале. Среди пассажиров, держа за руку семилетнего мальчика, толкалась девушка-подросток и просила милостыню.

— И вы пристыдили меня. Привезли к себе. Накормили чем могли и стали обучать на пишущей машинке.

— Таня Касаткина!— всплеснула руками Фаина Геннадиевна. — Помню такую. Сколько мне хлопот доставила. Представляете, Валерий?— обратилась она ко мне.— Через неделю моя Татьянка от меня удрала. Трудно ей показалось учиться. Три дня искала беглянку.

— И нашли в... милиции,— подхватила гостья.— А потом мы вместе стали ходить по вокзалам и рынкам и помогали другим слепым устраиваться на работу.

— Было такое,— вздохнула Фаина Геннадиевна.— Человек десять мы тогда пристроили... Где ты сейчас, Таня?

— В Ростове. Работаю в машбюро. Мне диктуют, а я пишу. В отпуск в Москву приехала. Вот и к вам зашла.

Женщины стали вспоминать общих знакомых, а я почувствовал себя лишним, простился и покинул гостеприимный дом.

Шагая по московским улицам, я думал об этих скромных людях, об их ежедневном подвиге не ради денег и слезы. Должно быть, эго и есть советский характер.

На очередном занятии машинописи я застал у Максимовых еще одного ученика. Темные очки прикрывали его плотно сомкнутые веки. Вот уже пятнадцать лет он ничего не видит. Мир представляется ему таким, каким он видел его в последний раз. Потеряв зрение, человек этот сначала опустился, ходил по вагонам с протянутой рукой, а деньги пропивал, пока не встретились на его пути мать и дочь Максимовы. Жизнь, по его словам, повернулась на 180 градусов. Теперь он сидел за машинкой и под диктовку Фаины Геннадиевны печатал. Его тонкие пальцы работали так уверенно, будто он видел клавиши на машинке. Трудно было поверить, что за машинкой человек, у которого потеряно зрение на 100 процентов.

— Анатолий Сергеевич, на сегодня хватит,— проговорила Фаина Геннадиевне и стала проверять написанное.

— Всего три опечатки!— услышал я голос Максимовой. И мне показалось, что более счастливого лица, чем у этого ученика, победившего свой недуг, я никогда не видел.

Наступил и мой последний урок машинописи. Все старания Нины Анатольевны научить меня работать обеими руками

окончились неудачей. Сказывалось нарушение координации движений. Но я научился сносно щелкать одним пальцем.

— Ну, Валерий, мы сделали все, что было в наших силах,— сказала на прощание Фаина Геннадиевна, просматривая последние упражнения.— Пусть вас не огорчает, что работаете вы медленно. Для ваших рук и это хорошо.

— Спасибо вам! Мне бы очень хотелось отблагодарить вас...

— Делай, Валерий, людям добро!— перебила меня Нина Анатольевна.— Этим и выразишь нам свою благодарность.

На следующий день я с утра отправился в Министерство культуры РСФСР.

— Давненько у меня не был,— такими словами встретила меня Хренкова.— Я уж думала, устроился и больше знаться не хочешь!

— Ну что вы, Александра Андреевна, кому-кому, а вам бы первой сообщил. А что, новые адреса есть?

— Есть, но боюсь, ничего не получится.

— Я уже курсы машинописи окончил.

— И печатаешь?— недоверчиво спросила Хренкова.

— Медленно, правда, но печатаю,— ответил я и показал Хренковой свои упражнения.

— Молодец,— посмотрев работу, похвалила она.

— Но ведь медленно же,— вздохнул я.

— Это ничего. Главное — все понятно. В общем так, на днях о тебе буду докладывать заместителю министра Василию Михайловичу Стриганову. Без него, видимо, мы ничего не сможем сделать. Поезжай домой и жди телеграмму.

Долгожданная телеграмма пришла: «Приезжайте трем часам Стриганову».

Я быстро собрался и поспешил на станцию. Там на перроне встретил Владимира Сергеевича Морошкина. Он разговаривал с председателем Звенигородского городского Совета Борисом Васильевичем Капустиным.

— Валерий, как дела?— окликнул меня Морошкин. Я показал телеграмму.

— Кто такой Стриганов?

— Заместитель министра культуры РСФСР.

— По просьбе учителей Звенигородской школы,— вмешался в разговор Капустин,— мы нашему депутату Верховного Совета письмо написали.

— Слышишь, Валерий,— заговорил Морошкин,— родись ты до революции или в капиталистической стране — плохо бы могла сложиться твоя судьба.

«А ведь он прав»,— подумал я, слушая своего учителя.

Приехав в Москву, отправился в министерство. Стриганов, когда я вошел в его кабинет, поднялся из-за стола.

— Садитесь,— указал он на стул и сам присел рядом.

— Ну рассказывайте.

— Что же рассказывать? Нигде на работу не берут.

— Вот у меня письмо из Звенигорода. Его переслали из МК партии,— сказал Стриганов.— А это письмо профессоров и преподавателей библиотечного института. И все об одном — просят помочь вам. Но как?..

Он зашагал по кабинету. А я с благодарностью думал о людях, которые принимали горячее участие в моей судьбе.

Стриганов вернулся к своему столу и решительно нажал кнопку.

— Соедините с Богачевым,— сказал он вошедшему секретарю.

— Павел Михайлович?— сняв трубку телефона, заговорил он. — Стриганов беспокоит. Просьба к вам. Нужно помочь одному человеку.

И он коротко передал содержание полученных писем.

— Пусть зайдет? Спасибо. Передам.

Положив трубку и обращаясь ко мне, сказал:

— Завтра идите в Библиотеку имени Ленина. Все будет в порядке.

— Спасибо вам, я...

— Идите и работайте, как работают все.

Часть III
Право на счастье

Глава 1

Павел Михайлович Богачев, директор Ленинской библиотеки, принял меня в своем кабинете. Седина пробивается в его черных волосах. Большие умные глаза смотрят внимательно. И в то же время в его взгляде чувствую какую-то озабоченность.

Выслушав мой рассказ, он надел очки и стал просматривать «Указатель по истории Звенигорода».

— Не кажется ли вам, что вы слишком увлеклись? Включили много лишнего... малозначительного... Сообщение о начале строительства хлебозавода. Кому это интересно?

— А вдруг когда-нибудь займутся историей этого предприятия?.. Я верю, наступит время, когда станут изучать историю каждой фабрики, каждого колхоза...— волнуясь, проговорил я.

По лицу Павла Михайловича промелькнула едва заметная улыбка, Он встал и подошел к окну, долго молча смотрел, о чем-то размышлял.

— Ну вот что... Приходите-ка завтра часам к 11 —12 дня.

На следующий день в назначенное время я был в приемной директора библиотеки. Секретарь директора сказала, что Павел Михайлович занят, но скоро освободится. Я сел в мягкое кресло и стал ждать. В приемной непрерывно слышались телефонные звонки. Из редакций центральных газет и журналов, министерств и ведомств звонили все, кому требовалась помощь «Ленинки». Секретарь директора, не глядя в справочник, называла десятки адресов, фамилий и номеров телефонов. Чувствовался многолетний опыт. «Сколько же надо знать, чтобы ответить на все эти вопросы»,— думал я, наблюдая за ее работой. Мне вспомнилось мое первое посещение справочно-библиографического бюро, когда я наблюдал за работой дежурного библиографа. «Я ведь не смогу по телефону давать справки. Меня не поймут»,— с тревогой думал я.

Дверь кабинета открылась, и оттуда стремительно вышел мужчина.

— Кто Завьялов?— спросил он, оглядывая приемную.

— Я...

— Зубрицкий,— представился мужчина.— Юрий Иванович. Идемте в мой кабинет. Там потолкуем...

Он первый вышел из приемной, и я направился за ним. «Что же он мне скажет?» — думал я, глядя на его подвижную фигуру.

Зубрицкий принял меня в издательском отделе и, усадив,

заговорил без предисловия.

— Павел Михайлович поручил мне дать вам задание…

Задание?.. Может, я ослышался?.. Мысли смешались, руки задрожали.

— Вы чем-то взволнованы?— спросил Зубрицкий.

— Нет, нет, просто у меня такой день, вы ведь мне даете не просто задание, а путевку в жизнь. И в то же время это экзамен. Выдержу ли?

— Послушай-ка,— прервал меня Зубрицкий,— Тебе поручается составить библиографию по истории фабрик и заводов Москвы и Московской области…

Мог ли я об этом мечтать?..

Идея создания истории фабрик и заводов, как известно, принадлежит Алексею Максимовичу Горькому. В статье, опубликованной в газете «Правда» от 7 сентября 1931 года, он писал: «…рабочий класс должен знать и прошлое, ту глубоко засоренную почву, на которой начал он строить свое новое государство».

Позже, в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 года, говорилось: «Одобрить предложение товарища М. Горького и приступить к изданию серии сборников «История заводов».

И рабочий класс горячо взялся за дело. Были написаны истории заводов АМО, Трехгорки и других предприятий. День за днем менялся Московский край. Росли старые предприятия, рождались новые заводы — первенцы советских пятилеток.

За работой время летело незаметно. С каждым днем увеличивалась моя картотека. Однажды во время перерыва ко мне забежал Федор Андреевич с каким-то молодым человеком.

— Валерий, мы к тебе за помощью,— проговорил он,— товарищ пишет диплом «История Московского завода имени Лихачева», нужна литература. Есть у тебя что-нибудь?

— Кое-что есть, конечно,— пробормотал я.— Но ты ведь сам знаешь, в каком состоянии моя картотека.

— Это неважно,— воскликнул студент,— больше нигде не собрана литература о нашем заводе.

И он тут же начал просматривать картотеку.

По заданию Богачева я выехал в командировку в подмосковный город Орехово-Зуево, Отправляя меня, директор рекомендовал найти краеведов и посоветоваться с ними. Сойдя с поезда, пошел в гостиницу.

Мест в гостинице не оказалось. Расстроенный, я брел по центральной улице. Вдруг с двух сторон меня подхватили под руки, Я поднял голову и увидел, что нахожусь в окружении

подростков лет шестнадцати, с красными повязками. «Дружинники сочли меня за пьяного». Сопротивление бесполезно. Я пошел с ними в отделение. Вероятно, у этих начинающих дружинников я был первым «нарушителем», они вели меня с гордым видом и чувством выполненного долга.

— Еле на ногах держится!— слышались негодующие голоса женщин. Но странно, на их несправедливые упреки я не обижался. Они не причиняли боли, как раньше.

Помню, в начале моей рабкоровской работы меня послали взять интервью у знатной звеньевой. Войдя в калитку, я поднялся на крыльцо, постучал.

— Кто здесь?— спросил за дверью женский голос.

— Корреспондент районной газеты.

— Документ есть?

— Пожалуйста,— протянул я корреспондентское удостоверение в приоткрытую дверь.

— Действительно, корреспондент,— удивилась женщина,— что же ты, мил человек, в таком виде к людям идешь?— в голосе ее слышалось осуждение.

— В каком?

— В нетрезвом…

— Да я не пьяный!

— Рассказывай сказки, я в окно видела, как ты шел, качаясь в разные стороны. Да и языком еле ворочаешь.

— Да не пьяный я, а больной!— с отчаянием крикнул я.

Вот и теперь меня приняли за пьяного.

В милиции быстро разобрались. «Герои дня» были, конечно, смущены.

А я в хорошем настроении вышел из милиции и направился к гостинице. Только снова подойдя к ней, вспомнил, что мест нет. «Что же делать?» Мое внимание привлекла витрина со свежим номером «Орехово-Зуевской правды».

Сотрудники редакции уже разошлись по домам, и только редактор засиделся на работе. Он и помог устроиться в гостиницу. В орехово-зуевской библиотеке оказалась очень богатая краеведческая картотека, в которой была собрана литература о героическом прошлом и настоящем Орехова-Зуева. Много книг и статей я нашел о знаменитой Морозовской стачке.

— Может, вам помочь?— обратилась ко мне сотрудница, когда я начал делать выписки.

— Нет, нет, я сам!— поблагодарил я.

— Извините за нескромный вопрос... У вас есть семья?— полюбопытствовала она.

— Нет... И вряд ли будет,— ответил я, вспомнив школьный

бал и Наташу.— Кто же захочет связать свою судьбу с инвалидом? — вслух заметил я.

— У Николая Бирюкова есть же,— возразила она,— а его заболевание ведь серьезнее, чем у вас.

— Да, ему повезло,— ответил я и, чтобы уйти от больного для меня вопроса, стал расспрашивать об орехово-зуевских краеведах.

— Самый заядлый краевед у нас доцент нашего пединститута Авраам Алексеевич Кайев,— ответила библиотекарь,— у него очень богатая библиотека, ведет он и картотеку.

И в тот же день я пошел в пединститут. Мне повезло. Доцент Кайев читал лекцию по литературе. По тишине, которая стояла в аудитории, можно было понять, что лекция была интересной. В перерыве я подошел к Кайеву и представился.

— Вы занимаетесь библиографией Подмосковья!— воскликнул он.— О, как не хватает такой библиографии! Вам правильно сказали. У меня действительно есть картотека по ореховским заводам. Оставьте адрес, я вам пришлю список. Скажите, вы знакомы с купавинским краеведом Матвеем Ивановичем Эдемским? А Александра Ивановича Могилько из Егорьевска не знаете? Обязательно познакомьтесь. Именно у них вы найдете целый клад.

— Большое спасибо, Авраам Алексеевич, я воспользуюсь вашим советом.

— Ну что вы, ведь общее дело делаем. Что вам еще посоветовать? Думаю, не пожалеете, если побываете на Орехово-Зуевском комбинате имени Николаевой, где была знаменитая Морозовская стачка. И конечно, поезжайте на Дулевский фарфоровый завод. Там найдете Александра Афанасьевича Коновалова, редактора заводской многотиражки. Полагаю, и он может оказаться вам полезным. А вообще, хорошо бы иметь библиографию по всей Московской области,— мечтательно добавил мой собеседник.

— Это, конечно, хорошо. Но одному человеку эту работу не поднять,— ответил я.

— Зачем одному?— возразил Кайев.— Надо объединить всех краеведов. В нашем подмосковном крае есть что изучать. Вы меня извините, сейчас у меня лекция.

Музей экспонатов Дулевского фарфорового завода был похож на сказку, застывшую в фарфоре. «Хозяйка медной горы» со своими несметными богатствами. Фарфоровые статуэтки персонажей пушкинских сказок, тридцать три богатыря.

— Да у вас тут волшебники живут!— сказал я

сопровождавшему меня Александру Афанасьевичу Коновалову.

— Почему волшебники? Самые обычные люди, любящие свое дело. Идемте сюда,— продолжал он таинственным голосом и ввел меня в соседнюю комнату.

— Видите вот это?— указал Коновалов на огромную вазу, занимавшую чуть ли не половину комнаты. Это была тончайшая ювелирная работа.

— Кто же сотворил такое чудо?— спросил я.

— Мастер Кузнецов! Начал он ее делать за несколько дней до начала войны, а окончил в День Победы. В армию его не брали по инвалидности. Но всю войну он продолжал работать на заводе, А свободное время отдавал этой вазе.

Рассказ Коновалова взволновал меня. Я еще раз взглянул на вазу, и подумалось мне: в каждом рисунке частица души мастера.

— Александр Афанасьевич, познакомьте меня с этим мастером.

— Если бы я мог это сделать!— вздохнул Коновалов.— Насколько лет назад Кузнецов умер. А ваза вот осталась. Я часто смотрю, и мне кажется, что мастер жив.

— Неужели никто из писателей не заинтересовался вашим заводом?

— Как это никто? Есть у нас свой писатель, Александр Владимирович Перегудов. Его первый роман «В те далекие годы» посвящен нашему заводу.

— А где же он живет?

— У нас, в Дулеве.

Вскоре я уже беседовал с «летописцем» Дулевского фарфорового завода. Александр Владимирович Перегудов напечатал свои рассказы в журнале «30 дней» в двадцатые годы. В одном рассказе описывается дулевский завод дореволюционного периода.

О себе Перегудов рассказывал мало, больше о судьбах мастеров дулевского завода — героев его книг, с которыми его связывала многолетняя дружба. Потом писатель поинтересовался моей библиографией, посоветовал ряд неизвестных мне изданий и на прощание подарил свою книгу «Сердце художника».

С помощью Федора Андреевича я привел в порядок свои записи. В машбюро перепечатали мою работу, и вот я в кабинете Богачева. Он листает страницу за страницей, а я, затаив дыхание, жду.

— Вы кому-нибудь показывали свою библиографию?— спросил Богачев.

— Нет, Павел Михайлович. Вы первый смотрите.

— Надо посоветоваться со специалистами из справочно-библиографического бюро... Да, вот еще что... Побывайте в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Может, там найдете список литературы о московских предприятиях.

Он дал мне еще несколько советов, потом позвонил опытному библиографу — Зинаиде Васильевне Збруевой и направил маня к ней.

— Трудную тему вы избрали,— проговорила она.— Боюсь, что она вам не под силу.

— Значит, я с ней не справился?— с испугом спросил я.

— Нет, почему же, вы проделали большую работу. Теперь нужен хороший редактор.

— А где его взять?

— Этого я не могу сказать...

К Зинаиде Васильевне обратился читатель, и нашу беседу пришлось отложить.

В тот же день я вновь побывал у Богачева и сообщил ему мнение Збруевой.

— Что ж, справедливые замечания,— согласился он.— Их следует учесть. Об этом мы еще потолкуем. А теперь вот что, есть возможность полечиться в клинике нервных болезней 1-го медицинского института.

— Знаю эту клинику,— обрадовался я,— когда-то там был на консультации.

— Вот и прекрасно. Езжай по этому адресу, бери направление и лечись на здоровье.

Глава 2

В небольшой палате четыре койки. Одну занимает неподвижно лежащий человек, обросший седой щетиной. Зовут его Ипполитыч. Другой обитатель палаты, высокий, худой, лет сорока, назвался Михаилом.

— Давно здесь?— спросил я его.

— Третью неделю, а голова все не проходит.

— Ты, Миша, сам виноват,— вступил в разговор сосед.— Врачей не слушаешься!.. Тебе говорят: не кури, а ты?..

— Душа-то болит. Как дальше сложится жизнь? Переведут на инвалидность, и крышка.

— Тебе так и так с морем придется расстаться. С этим ты должен примириться,— заметил Ипполитыч.

— У меня трое пацанов!.. Их кормить и учить надо!

— У тебя же руки есть,— рассердился Ипполитыч.— Будь у него такие руки,— кивнул он на меня,— парень был бы самым счастливым человеком.

— Руки-то есть, а кто возьмет со 2-й группой на работу?

— Есть же артели инвалидов,— подсказал я.

— Да я же рыбак! Пойми!

— А я милиционер,— прервал Ипполитыч,— это тоже понять надо.

Вошла Ангелина Никитична, наш лечащий врач.

— Ну как наши дела, Голованов?— обратилась она к Михаилу.

— Да все так же... Голова все еще болит.

— Ишь какой быстрый, принял несколько процедур и думает — все!— улыбнулась Ангелина Никитична.

Она измерила ему давление.

— Ну что же, лечение идет своим чередом. Пройдете весь курс, и вам будет легче. А пока... Скажите, опять много курили? Поймите же, Голованов, табак и вино — ваши враги...

Она подошла к Ипполитычу.

— Ну а ваши как дела, Бодров?

— Плохо, доктор!

— Так уж и плохо?— усмехнулась Ангелина Никитична и начала осмотр.— Пожалуй, пора учиться ходить! Ну-ка вставайте, смелее — я вас держу!

Ипполитыч с трудом поднимается, делает попытку, другую, третью встать на ноги, ноги не повинуются. Обессиленный, он опускается на кровать.

— Отходился я,— с отчаянием говорит он, и крупная слеза

исчезает в густой щетине.

— Зачем же так сразу падать духом?— укоризненно произнесла Ангелина Никитична.

— Падай, не падай... А кому теперь нужен калека!

— Как вам не стыдно, а я думала, вы мужественный человек... Вы же совершили подвиг...

— Очень прошу вас, доктор, не нужно об этом,— прервал ее Ипполитыч.

— Ну хорошо, хорошо, не буду...

Позже я узнал тайну Ипполитыча, встретив однажды Ангелину Никитичну в Ленинской библиотеке.

Оказывается, он работал в уголовном розыске и в тот поздний январский вечер шел на ночное дежурство. Возле автобусной остановки собралась возбужденная толпа. Ипполитыч подошел ближе и увидел на земле окровавленную женщину.

Из отдельных реплик он понял: бандиты только что скрылись в темном проулке — еще можно догнать, их двое, на одном пестрая шапка.

Не мешкая, Ипполитыч бросился в погоню и проходным двором вышел навстречу двум парням. По приметам это были те самые, оба навеселе.

Подойдя вплотную, Ипполитыч потребовал:

— Прошу пройти со мной!— ив тот же миг упал от сильного удара по голове. Когда он очнулся, едва хватило сил добраться до телефона и сообщить в отделение приметы преступников. Снова он пришел в себя через несколько часов в больнице. Бандиты были задержаны.

Петр Будников появился в нашей палате под вечер. Был он среднего роста, с веснушчатым лицом, с коротко остриженными волосами. Две руки безжизненно болтались, словно высохшие плети.

— Неласково обошлась с тобой судьба,— посочувствовал ему Михаил.— Что с руками-то?

— Энцефалитный клещ укусил,— ответил Петр.

— Где это ты его подхватил?

— В Сибири... срок отбывал.

— Вот как?.. За что сидел-то?

— По глупости,— вздохнул Петр и, помолчав, начал свой рассказ.— Отца с матерью я потерял во время войны. Пошел в ремесленное училище. Жил в общежитии. Однажды знакомый парень попросился переночевать. Вечером позвал прогуляться. Пошли, неподалеку от какого-то ларька он говорит: «Постой тут!» А сам ушел. Оказывается, он с дружками сговорился залезть в

ларек. Меня поставили страховать. Тут милиция. Всех и взяли.

— Групповой грабеж — десятка,— уточнил Ипполитыч.

— Сидел-то я два года. Лучше бы весь срок отсидеть и быть с руками. Я этими руками знаете какие деревья валил. А теперь ложку не могу взять.

— Крепко тебе не повезло,— покачал головой Михаил.— Я ведь тоже чуть вором не стал. Добрые люди не дали упасть. В 24-м году удрал я с приятелем из детдома. У него оказались деньги, и до Хабаровска мы добрались. Целый день болтались по городу. А к вечеру нас приютила «теплая» компания. Обчистили нас. А потом и говорят: «Идите, мальчики, себе хлеб добывать».— «А как?» — спросили мы. «Берите, где плохо лежит». Ну, мы поняли. Только воровать не пошли... На третий день своих скитаний, уже не в силах бороться с голодом, решили попросить милостыню. Остановили первого попавшегося мужчину, рассказали ему о наших приключениях. Он нас отругал и повел к себе домой. Накормил и помог устроиться в школу водителей рыболовных судов.

— Есть же на свете хорошие люди,— после молчания проговорил Ипполитыч.

В этот день ожидался профессорский обход, После завтрака мы легли и ехали ждать, тихонько переговариваясь.

— Говорят, очень знающий этот невропатолог Михеев,— приглушенно басит Ипполитыч.

— Увидим, сможет ли он мне голову вылечить!— перебил его Михаил и полез за папиросой.

— Что ты делаешь? Сейчас же профессорский обход начнется!..— остановил его Ипполитыч.

Профессор вошел в палату в окружении ассистентов и врачей, среди них была и наша Ангелина Никитична. Она давала пояснения.

— Больной Бодров,— докладывала она, подводя профессора к кровати Ипполитыча.

— Как настроение?— спросил профессор.

— Стараюсь, товарищ профессор,— по-военному отрапортовал Ипполитыч,— чтобы оно было хорошее!

— Очень хорошо...

Ангелина Никитична записывала рекомендации специалиста.

— Ну-с. А вас что беспокоит?— обратился он к Голованову.

— Голова болит.

— Производственная травма,— пояснила Ангелина Никитична.

— Что же, батенька мой, не бережетесь? Как это у вас

получилось?

— Сам удивляюсь, товарищ профессор! Механиком я на сейнере, вдоль и поперек Каспий исходил, в больших штормах не раз бывал. А тут при четырех баллах равновесие потерял.

— Так-с. Что он получает?

Ангелина Никитична показала историю болезни. Профессор одобрительно кивнул и шепотом что-то посоветовал лечащему врачу.

Потом Ангелина Никитична доложила обо мне.

— Ну что же, постараемся помочь,— пообещал он и, обращаясь к лечащему врачу, добавил: — Мне кажется, лечебная физкультура ему будет полезна...

— А это Будников!— продолжала докладывать Ангелина Никитична.

— Мы уже знакомы. Здравствуйте, Петр Данилович. Как с рисованием? Не бросили?

— Рисую!— отвечал Будников.

— Но у него же руки не действуют!..— послышался чей-то недоуменный голос.

— Он рисует ногой,— пояснил Михеев.

— Ногой?..

— Да, да, ногой. Вот вам доказательство, чего может добиться человек с сильной волей. Надеюсь, Петр Данилович, новые работы вы нам покажете?

— Здесь они, в тумбочке.

Альбом с рисунками Будникова переходил из рук в руки.

— Ты что же, в самом деле ногой рисуешь?— спросил Петра Михаил, когда врачи покинули палату.

— Рисую,— ответил Петр и, . чувствуя, что Михаил не верит, усмехнувшись, предложил: — Хочешь, твой портрет сделаю?..

— Попробуй,— согласился Михаил.

Петр принялся за работу. Я наблюдал, как безрукий художник владел карандашом, перекладывая его даже в другую ногу. И мне почему-то стало стыдно за хандру, которая на меня порой нападает.

— Ну, вот и готово,— сообщил наконец Петр и устало откинулся на подушку.

Михаил облегченно вздохнул.

— Два часа сидел без движения... Показывай, что там у тебя получилось?.. Смотри-ка, Ипполитыч! Похож?

— Здорово. Ишь ты!— сказал Ипполитыч.

— Послушай, а как же ты научился рисовать ногой?— не удержался я.

Петр ответил не сразу, а потом рассказал:

— Когда я вышел из заключения, сперва обрадовался свободе, но вскоре понял, что совершенно беспомощен. Вот так очутился я здесь, в клинике. Времени для размышлений о будущем хватало. И чем больше я думал, тем резче вставал вопрос: как жить дальше? Решил: попробую писать ногами. Всю ночь не спал. Пробовал — не получалось. На другую ночь тоже писал. Недели через две вывел первую букву. Вот так и научился писать, а потом и рисовать. Поступил в университет искусств Дома народного творчества имени Крупской.

Рассказчик замолчал. Некоторое время в палате стояла тишина.

— Ну, молодец!— похвалил Михаил, любуясь портретом.

Будникова навещала его жена Валя, однажды она сказала, что придет с подругой Лидой. У нее чуть парализованы рука и нога. Вообще славная девушка.

И вот они пришли вдвоем. У Валиной спутницы — слегка откинутые волосы, на левой щеке родинка. Во всей фигуре — неуловимая женственность.

«Должно быть, это и есть Лида»,— подумал я и не ошибся. Валя представила нас друг другу.

Я заметил; глаза у Лиды озорные, светятся лукавством. От смущения я опоздал подать руку.

— Что же вы знакомите меня с таким робким кавалером?— шутливо бросила Лида.

— Он еще не прирученный,— пояснил Петр. Все засмеялись, и в палате стало радостно и солнечно. Мы вышли в больничный сад и долго гуляли. Самым замечательным было то, что никто из нас, обиженных судьбой, не вспоминал о своих недугах.

После процедур я лежал на койке и наблюдал за Ипполитычем. Из глаз его текли слезы, и он вытирал их своей могучей рукой.

— Что с вами, Ипполитыч?— спросил я.

— Хорошего мало. Врач выписывать собрался,— вздохнул он. — А чему радоваться-то? Что я могу? Только есть и спать?

В это время послышался голос врача Веры Яковлевны:

— А вот и мы.

Вместе с ней вошла молодая девушка, Люся, методист лечебной физкультуры.

— Будем учиться ходить,— сказала Вера Яковлевна, обращаясь к Ипполитычу.

— Да вы же меня не удержите,— прохрипел Ипполитыч.

— А мы с Валерием для чего?— отозвался Михаил.— Ну

давай, давай, Ипполитыч.

Все вместе мы поднимаем Ипполитыча, и он делает шаг, другой.

— Дайте отдохнуть,— взволнованно просит он.— А ведь я пойду, ей-ей, пойду, спасибо вам, други.— И его глаза опять заблестели. Но это были слезы надежды.

— Ладно, благодарить будете потом,— прервала его Люся,— А теперь давайте ходить.

— Дайте мне костыль, он в углу стоит. Попробую сам.

Михаил подает костыль. Опираясь на него, Ипполитыч снова старательно делает шаг и...

— Теперь Люся к вам два раза в день будет приходить,— сказала Вера Яковлевна.

Ипполитыч с благодарностью смотрит на Люсю, а та смущенно отводит взгляд, показывая, что благодарить нужно ее учительницу — Веру Яковлевну, которая много выпустила таких волшебниц, как Люся, умеющих делать чудеса.

Вера Яковлевна посмотрела на меня и узнала.

— Завьялов, кажется? Припоминаю — вы со своим учителем приезжали к нам на консультацию. Десятилетку-то окончили?

— Уже и библиотечный институт окончил. Работаю в Библиотеке имени Ленина.

— Рада за вас. Итак, перейдем к нашим делам. Скажите, как давно вы занимались лечебной физкультурой?

— Я и сейчас занимаюсь.

— Совсем хорошо!— похвалила Вера Яковлевна,— А какие упражнения делаете?

Я показал. Вера Яковлевна одобрила комплекс и назначила время моих занятий лечебной физкультурой.

Воскресенье — день посещений. Прохаживаясь по вестибюлю, жду, когда ко мне придут, а перед глазами счастливое лицо Ипполитыча, сделавшего первый шаг.

Как мало нужно человеку, чтобы он стал счастливее — всего-навсего внимание. Вспомнились мне артель и хор. Первый концерт. У девчат были тогда такие же счастливые лица, как у Ипполитыча.

Кто-то осторожно тронул меня за рукав. Обернувшись, увидел Федора Андреевича Колосова, встречи с которым всегда напоминали мне о первом посещении Ленинской библиотеки.

— Какими судьбами?!— удивился я.

— Вот взял и приехал, есть новости!

— Какие же?

— Твою библиографию по истории заводов спрашивают.

— Что ты говоришь? А от кого ты это узнал?

— Проходил случайно через справочно-библиографический отдел и видел, как с твоей рукописью работал читатель.

— Это замечательно!— воскликнул я.— Да ты знаешь, что это для меня значит?!

— Понимаю,— серьезно ответил Федор.— Не зря ты трудился, нужна твоя работа. Вот и поправляйся скорей, не раскисай здесь.

Глава 3

После двухмесячного перерыва я возвратился на работу. Радостно было вновь увидеть мраморные колонны и знакомые лица. Но что это?.. Почему у служебного входа так много народу? А вот и Федор Андреевич.

— Федор Андреевич, почему народ?

— Нашего директора Павла Михайловича Богачева хоронят.

— Хоронят?.. Павла Михайловича?..

— Инфаркт...— добавил он.

Держась за руки, мы с трудом пробираемся через толпу. Доносятся слова:

— Человек с большой буквы был...

«Был»... Как странно слышать это о жизнерадостном человеке. Теперь о нем говорят, употребляя это проклятое «был». Трудно стало дышать: передо мной портрет, окаймленный траурной рамкой...

Да, Павла Михайловича больше нет.

В зале стоит гроб с телом бывшего директора Ленинской библиотеки. В коридоре те, кто желает встать в почетный караул.

— Разрешите, и я встану,— обратился я к разводящему.

— Вставай...

И вот я в числе других сотрудников стою и вглядываюсь в спокойное застывшее лицо. Кажется, он просто задумался. И только траурная музыка и многочисленные венки напоминают: нет больше Павла Михайловича Богачева. Я бросаю долгий прощальный взгляд на Павла Михайловича и, уступая место смене, с влажными глазами покидаю зал.

Вскоре принес я свою рукопись Юрию Ивановичу Зубрицкому. Он поручил мне эту работу, а следовательно, посоветует, что делать дальше.

Юрий Иванович перелистал рукопись и, побарабанив по столу пальцами, сказал:

— Я не библиограф, и мне трудно судить.

— Вы же мне подсказали эту тему.

— Я выполнял приказ начальства,— ответил Зубрицкий.

«Может, рискнуть к новому директору обратиться?— подумал я.— Да нет. Он меня не знает. Но что же тут плохого? К нему же обратится его сотрудник, коммунист. Лучше, пожалуй, начать с парткома».

Секретарь парткома Анна Николаевна Ефимова представила меня новому директору, и моя давняя мечта сбылась — я стал сотрудником справочно-библиографического отдела.

— Вот письмо с Полтавщины,— сразу перешел к делу руководитель группы историков Андрей Николаевич Горяинов.— В нем говорится, что в годы войны потерян аттестат зрелости, Архивы сгорели, нет никаких следов. Автор письма отлично окончил школу и, по его словам, видел свою фотографию на странице районной газеты. Надо полистать комплект...

— Это могло быть только после 20 июня,— заметил я.

— Почему вы так думаете?

— Очень просто. До 20 июня сдаются экзамены.

— Верно.

Вот уже месяц, как я работаю в этом отделе. Выполнил около полутора десятка справок. Передо мной письмо из Ялты от местного журналиста Виктора Прокофьевича Горбуленко. Просит разыскать приветствие Николая Островского студентам Харьковского газетного техникума в связи с его пятилетием и присвоением ему имени Н. Островского. Автор письма помнит, что оно было произнесено по радио и опубликовано в многотиражке «Кадры печати» в конце 1935 — начале 1936 годов.

Листаю пожелтевшие страницы студенческой многотиражки. Просмотрел весь 1935 и 1936 годы, а приветствия так и не нашел. Доложил Горяинову.

— Так и ответьте читателю,— посоветовал он.

— Но ведь человеку нужно... Как же отказать?.. Может, все-таки еще поискать?

— Где?— Горяинов посмотрел на меня в упор,— Единственное, что еще можно сделать,— это обратиться в музей Островского,— подсказал Андрей Николаевич и, помолчав, заметил: — Хотя, вероятно, автор письма обращался в музей.

Еду в музей Островского.

...Павка Корчагин! Кто может равнодушно произносить это имя? Я поднимаюсь по лестнице. Сердце тревожно бьется, будто и в самом деле предстоит встреча с живым Островским.

Мне повезло. В этот день экскурсию вела Раиса Порфирьевна, жена писателя. «Неужели это Тая?» — думал я, глядя на волевую, энергичную женщину. Именно такая должна была стоять рядом с этим мужественным человеком. После лекции я познакомился с Раисой Порфирьевной. Вместе с ней заходим к директору музея Виктору Павловичу Попову.

— Горбуленко к нам обращался,— сказал он.— Но никаких следов этой публикации нам найти не удалось.

— Я почему-то уверена, что именно вы ее найдете,— сказала мне на прощание Раиса Порфирьевна.

И я снова листаю пожелтевшие страницы студенческой многотиражки «Кадры печати» за 1935—1936 годы. Вот юбилейный номер пятилетия техникума, а приветствия нет! Придется писать отказ.

«Схожу еще к Еве Карловне Тинарт,— мелькнула мысль.— Она что-нибудь придумает».

Ева Карловна многие дни своей юности провела в царских тюрьмах и ссылках. Участник Октябрьской революции. Впрочем, о ее героическом прошлом мало кто знал, потому что о себе она никогда не рассказывала. Было известно только, что она персональный пенсионер союзного значения. В библиотеке Тинарт работала в общем зале. С ней я познакомился, когда был еще студентом. Бывало, придешь в читальный зал, а мест свободных нет. Ева Карловна обязательно раздобудет стул и пристроит меня. Я уже не говорю о ее участии в моей судьбе.

Сейчас я шел к ней с надеждой, что она подскажет выход.

Прочитав письмо, Ева Карловна сказала, как бы размышляя вслух: «А что, если речь опубликовали не в те годы, а после смерти писателя?»

И опять сижу за подшивками «Кадров печати». Теперь уже за все годы. Приветствие найдено. Оно опубликовано в 1937 году: «Мои милые, молодые товарищи — студенты техникума моего имени. Я сейчас полон желания к жизни, труду, творчеству...»

В тот же день о своей находке я сообщил в Ялту Горбуленко и в музей Островского.

Мне дали письмо читателя, который интересовался первой публикацией рассказа Бориса Полевого «Галифе защитного цвета». В нашей справочной картотеке этого произведения не оказалось, и я решил пойти в «Юность» к Борису Полевому.

Впервые я увидел его в Ленинской библиотеке на читательской конференции. Хотел было подойти к нему и сказать что-то теплое в благодарность за «Повесть о настоящем человеке». Ведь герой его книги всегда оказывался рядом, когда мне было трудно. Но где взять слова, чтобы писатель понял мое состояние? Таких слов я не нашел и не поддался искушению. Ну а теперь у меня ведь деловой разговор с ним предстоит. Пойду!

В приемную стремительно вошел Полевой. Увидев меня, он замедлил шаги.

— Этот товарищ вас дожидается,— доложила секретарша.

— Прошу...

Полевой открыл дверь кабинета и жестом гостеприимного хозяина пригласил войти.

— Чем могу быть полезен?— спросил он, пристально

разглядывая меня, вероятно стараясь угадать, зачем мог пожаловать этот странный посетитель.

— Ищу один из первых ваших рассказов «Галифе защитного цвета».

— Зачем он вам понадобился?— усмехнулся писатель.

— Я работаю в Библиотеке имени Ленина. К нам пришел запрос от читателя. Все перерыл, а рассказа ни в одном сборнике не нашел.

— Вы этого рассказа нигде и не найдете. Он был опубликован в «Калининской правде», а когда — не помню.

— Значит, придется смотреть газету за несколько лет.

— Зачем такой труд? Из-за одного слабого рассказа!..

— Но там ведь и другие ваши вещи печатались. Для библиографии пригодится.

— Да... а с «Калининской правдой» у меня связано много светлых воспоминаний. Именно там писал я о первых своих героях.

— А знаете, Борис Николаевич, я нашел героиню «Повести о настоящем человеке»!— сказал я и показал фотографию Маресьева с медсестрой Гаевской.— Живет она в Звенигороде на тихой зеленой улочке. Давно на пенсии. У нее седые волосы, но годы не смогли потушить молодого блеска ее добрых глаз. Она не любит рассказывать о себе. В Звенигороде никто не знал, что в войну она выхаживала в госпитале Маресьева. Ведь об этом разведал местный журналист Станислав Ерин и рассказал в одном из номеров журнала «Медицинская сестра».

— Наш брат журналист кого угодно разыщет, до всего докопается,— улыбнулся Полевой и просил продолжать.

— В сорок первом году она работала старшей сестрой в Сокольниках, в Центральном госпитале. В начале войны в госпиталь с фронта прибывало много молодых летчиков. Не всем из них было суждено снова расправить крылья. Об Алексее Маресьеве она рассказывала:

«Положили его к нам в палату для выздоравливающих зимой 1942 года. Ему ампутировали ноги. Когда ни придешь в палату — днем ли, ночью,— лежит и молчит и в одну точку смотрит. Сердце у меня щемит от жалости. Подойду, спрошу: «Алеша, может, поел бы чего?» Не отвечает. Однажды утром вошла в палату, гляжу, ожил мой Алеша, повеселел, а в обед добавки попросил. Потом уж узнала: комиссар из хирургического прислал ему журнал, а там статья о летчике, который без ноги летал. С тех пор Алексея словно подменили».

— Словом было все так, как вы описали в своей повести. Между прочим, Гаевская показала мне и письма Маресьева к ней.

В одном из них я прочитал: «Уважаемая Ефросинья Филипповна, я очень рад за Вас, что, уйдя на заслуженный отдых, Вы продолжаете быть полезным человеком для общества. Все, кому пришлось быть в госпитале, помнят скромных тружениц в белых халатах. Сердечное спасибо Вам за этот благородный и самоотверженный труд, Высылая Вам на память свою фотографию, желаю Вам здоровья и всего лучшего в жизни. Ваш Алексей Маресьев».

— Интересно,— оживился Полевой.— А что вы еще знаете о ней?

— Она и сейчас трудится в Звенигородской больнице акушеркой, на общественных началах. Ее умелые, понятливые руки ловко делают привычное дело, помогают маленьким людям увидеть свет мирного дня.

Зашла секретарь и напомнила редактору о предстоящей встрече с иностранным писателем.

— Он уже выехал.

— Спасибо,— поблагодарил Полевой.— Когда будет верстка повести Владислава Титова, покажите мне ее.— А мне пояснил: — Сейчас у нас в «Юности» готовится к печати повесть «Всем смертям назло», написанная зубами. Ее автор Владислав Титов.

Полевой оживился, стал было рассказывать содержание повести, но в это время вновь вошла секретарша и доложила, что пришел иностранный писатель. Интересная беседа была прервана.

Глава 4

Вот уже второй год мы встречаемся с Лидой, и с каждой встречей веселая, никогда не унывающая девушка становится мне все дороже.

Однажды вечером, встретившись у памятника Пушкину, я крепко сжал ее руку.

— Осторожно, я же у тебя хрустальная,— напомнила девушка мои же слова.

В эту минуту у меня было к ней столько нежности, что я, поборов робость, признался:

— Лида, я тебя очень люблю... Будь моей женой… Только не смейся, пожалуйста. Ну что ты молчишь?

— Не думала, что ты такой храбрый. А как мы жить с тобой будем?

— Как все,— ответил я.

На другой день мы пришли в загс подавать заявление.

А сегодня наша свадьба. В сопровождении друзей мы отправились заключать союз на большую любовь и дружбу.

Ну вот, дорогой друг-читатель, на этом я и закончу свою исповедь. Но жизнь продолжается, и тебе, возможно, хотелось бы знать о дальнейшей судьбе героев записок.

Первая моя учительница Александра Ивановна Максимова на пенсии. Ушедший на заслуженный отдых Владимир Сергеевич Морошкин и теперь отдает весь досуг своему любимому краеведению.

Одноклассники мои Костя Макаров и Вася Агафонов закончили институты и работают в Подмосковье.

Наташа учительствует в Калининской области.

Миша Синельников, который советовал мне отправить трусость «бандеролью» домой, окончил библиотечный институт и в настоящее время член редколлегии журнала «Литературное обозрение».

Супруги Зверевы по-прежнему трудятся в доме отдыха «Связист». Выпестованный ими маленький кружок перерос в народный цирк. С мастерством самодеятельных артистов познакомились зрители ГДР, Венгрии, Чехословакии и Финляндии.

Федор Андреевич Колосов стал педагогом и помогал мне в работе над этой книгой.

Доктор Чернышев теперь работает в одной из поликлиник Академии наук СССР, а для моей семьи он безотказный врач и

верный друг.

Сбылась мечта Петра Будникова: он художник Курганского Дома культуры. Недавно прислал приглашение на персональную выставку.

Вера Яковлевна Прохорова по-прежнему в 1-м медицинском институте имени Сеченова, я до сих пор поддерживаю с ней связь. Там иногда встречаю Ипполитыча. Его многолетние занятия лечебной физкультурой сделали свое дело: от парализации остался едва заметный след. Да и я сам чувствую ее чудодейственную силу.

Я часто смотрю на фотографию нашего институтского выпуска. Где-то теперь мои друзья-однокурсники?..

А теперь позвольте еще рассказать о том, как увидели свет эти записки.

Я начал писать их еще по совету Владимира Сергеевича Морошкина. Он и был их первым читателем. Побывали они в редакциях журналов, в издательствах, и везде один ответ: материал интересный, но сырой, не хватает литературного умения. Нужен, как выразились в одном издательстве, хороший помощник.

Зашел я как-то к Виктору Павловичу Попову. После найденной речи Н. Островского я сблизился с дружным коллективом музея.

Виктор Павлович познакомился с отзывами издателей (рукопись он читал раньше), подумал и сказал:

— Будем просить Марка Колосова помочь.

— А он согласится?— с надеждой спросил я.

— В положительном ответе не сомневаюсь,— уверенно ответил Попов.

Вскоре я встретился с Марком Колосовым. Он сыграл такую же роль в моей литературной судьбе, какую сыграли в моей жизни Александра Ивановна Максимова и Владимир Сергеевич Морошкин.

А если, прочитав эти страницы, ты, дорогой читатель, захочешь сделать что-то хорошее людям, значит, их и мой труд не пропал даром.

32С5
313

Завьялов В. И.
И невозможное возможно. М., «Молодая гвардия», 1977.
80 с. (Наедине с самим собой).

32С5
Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

ИБ № 601
Валерий Иванович Завьялов
И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО
Редакторы Л. Антипина, Н. Лесина
Художник Л. Корсаков
Художественный редактор Н. Коробейников
Технический редактор Н. Михайловская
Корректоры Н. Павлова, А. Долидзе

Сдано в набор 23/XI 1976 г. Подписано к печати 28/II 1977 г. А06346. Формат 70X108 1/32. Бумага № 3. Печ. л. 2,5 (усл 3 5) Уч.-изд. л. 4. Тираж 100 000 экз. Цена 26 коп. Т. П. 1977 г., № 113. Заказ 2011.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.